

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

*ПРОБЛЕМЫ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ*

II

РИГА 1971

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

Кафедре русской литературы

П Р О Б Л Е М Ы

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

II

Учебные записки, том I43

РИГА 1971

"...ВСЯКАЯ НАЦИЯ МОЖЕТ И ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ У ДРУГИХ".
К. Маркс

В научных статьях данного тома "Ученых записок" отражены основные тенденции изучения проблемы межнациональных литературных отношений на кафедре русской литературы Латвийского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. Петра Стучки.

Как и в ранее вышедшем 126 томе "Ученых записок", авторы статей останавливаются на проблеме восприятия русской и русской советской литературы в Латвии, углубляя и расширяя ее.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В "Ученых записках", предлагаемых вниманию читателей, содержится статьи, посвященные изучению восприятия художественной литературы в иноязычной среде.

В первой статье "Некоторые вопросы взаимосвязей национальных литератур и проблеме изучения восприятия творчества М.А.Шолохова" подчеркивается большое значение Шолохова как достойного продолжателя горьковских традиций в развитии советской литературы. Анализируя современное состояние советского шолоховедения, автор приходит к выводу о необходимости разработки проблемы восприятия творчества Шолохова национальными литературами Советского Союза.

Во второй статье "М.А.Шолохов в восприятии критики и литературоведения Советской Латвии" затронуты некоторые аспекты восприятия шолоховского творчества в Советской Латвии. В последние годы в советском литературоведении заметен значительный интерес к изучению проблемы влияния и восприятия шолоховского творчества. Это работы А.Бритикова, Е. Дрягина, К.Прийма, Ч.Джолдосовой, А.Часовой, Л.Хижадзе. Но связи Шолохова с литературами Советской Прибалтики в них не затрагиваются. Некоторые факты знакомства латышского читателя с произведениями Михаила Шолохова отражены в интересной работе В. Вевере и Г.Мацкова "Латышско-русские литературные связи". Принимая во внимание, что взаимосвязи и взаимодействие литератур - сложный диалектический процесс, состоящий из многих взаимодействующих компонентов, С.Иванов обращается на анализе восприятия Шолохова латышской советской критикой и литературоведением, впервые систематизируя и обобщая

накопившийся обильный материал в период с 1940 по 1969 год.

В третьей статье "Восприятие русской литературы латышской критикой 80-х годов" рассматриваются основные моменты латышско-русских литературных связей конце прошлого века и показано большое воздействие творчества русских прогрессивных писателей на развитие молодой латышской литературы. Материал, заключенный в данной статье, представляет один из аспектов изучения сложной и весьма актуальной проблемы. В центре внимания автора - вопросы восприятия произведений малой и средней формы русской и классической литературы, более всего А.С.Пушкина и И.С.Тургенева, произведения которых были особенно популярны и чаще других переводились на латышский язык в то время.

С.Е.ИВАНОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОСВЯЗИ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУР И ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ
ТВОРЧЕСТВА М.А. ШОЛОХОВА

Ленинский курс нашей партии направлен на сближение и сплочение народов СССР на основе все более глубокого взаимоузнавания, поэтому изучение многообразных вопросов, связанных с постановкой и решением проблемы межнациональных литературных отношений в условиях развития социалистических наций имеет большое общественно-политическое значение.

Взаимосвязи и взаимодействие литератур — сложный диалектический процесс, состоящий из многих взаимодействующих элементов, " жизнь творений искусства на чужбине, как и у себя на родине, это вечно движущееся единство устойчивого и изменчивого, объективного и субъективного" ^{I/}. Иноземные литературы усваиваются различными путями. Это суть вхождение иноземной литературы через личные контакты, переписку, книгообмен деятелей культуры, международные культурные связи; восприятие ее путем переводов, критического осмысления контактирующих литератур и путем непосредственного влияния одного или ряда писателей друг на друга и литератур в целом на основе взаимоусвоения традиций, новаторства, эстетики; в процессе взаимовлияния литератур участвует и читательское восприятие.

I/ К.Ровда. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. Изд. "Наука". Ленинградское отделение, Л.1968, стр.25.

Проблемой восприятия русской советской литературы братскими республиками наше литературоведение стало заниматься лишь в последние годы.^{2/}

Литература, попадая в иное окружение, включаясь в отличный от прежнего историко-литературный процесс на иной национальной основе, вступает во взаимодействие с новой действительностью. При этом часто литературное произведение получает возможность второго бытия, раскрывая много самобытного и неожиданного, чему особенно способствует перевод его на другой язык. "Выражение одной и той же мысли на разных языках обновляет эту мысль, переводит ее как бы в другой регистр, вносит в нее новые оттенки и смысловые отличия."^{3/} Каждое поколение читает произведение по-своему, по-своему воспринимает его даже тогда, когда речь идет о читателях и критике в пределах одной национальности. Но восприятие иноязычной литературы, как правило, всегда осложняется и спецификой национального характера, а также историческими и поли-

2/ С. Никольский. Творческое восприятие художественного опыта другой литературы. В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. Изд. АН СССР. М., 1961, стр. 375-377. В. Злыднев. Глубже изучать формы литературных связей. Там же, стр. 377-380; Л. Кишкин. Больше внимания изучению связей славянских литератур. Там же, стр. 380-384; А. Харчев. Искусство — как ценность. В сб.: "Проблема ценности в философии". Изд. "Наука", М.-Л., стр. 83, 96; А. Ефремов. Произведение искусства — как процесс. — Вопросы философии", 1965, №, стр. 78-85. В. Адамс. Восприятие А. Блока в Эстонии. В кн.: Блокский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май, 1962, Тарту, 1964; С. Исаков. О рецепции творчества М. Ю. Лермонтова в Эстонии. Проблемы межнациональных литературных отношений. Ученые записки Латв. гос. ун-та, Р., 1970, т. 126, стр. 5-25

3/ М. Алексеев. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия. В сб. Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. 1918-1944. Секция филологических наук, Л., 1946, стр. 204.

тическими условиями жизни народа. В новой сфере изменяются функции и даже смысл данного литературного произведения, что вызывается состоянием и особенностями той культуры, на язык которой осуществлен перевод. Восприятие иноязычной литературы — это не какая-то идеальная синхронная зависимость между значимостью произведения у себя на родине и степенью восприятия его инонациональными читателями, социальными группами и т.п. Подобное упрощение заведомо обречено на неудачу, восприятие одних и тех же произведений разными народами различно. Так, история восприятия творчества Пушкина эстонцами и "единокровными" с ними венграми содержит любопытные особенности. Знакомство венгров с прозой Пушкина началось в 1844 году переводом рассказа "Выстрел"^{4/}. В.Адамс объясняет выбор именно этого произведения Пушкина сходством русских и венгерских исторических условий. Затем долгие годы, вплоть до 1855 года, Пушкин остается забытым.

"Сталкиваясь с фактом явной непопулярности в Венгрии (1848—1855 гг.) Пушкина, нужно вспомнить историческую ситуацию: ослабленный как сторонник самодержавия Пушкин в эти годы не мог пользоваться любовью венгерского народа". Переводами "Капитанской дочки" и "Дубровского" началось знакомство с Пушкиным в Эстонии (1879—1880 гг.) а "Выстрел" был переведен на эстонский язык лишь в 1886 году и воспринимался эстонским народом как "занимательная экзотика барской жизни".

4/ В.Адамс. Восприятие А.Блока в Эстонии. В кн.: Блокоский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока. Май, 1962, Тарту, 1964, стр.

Хорватская литература узнала Тургенева через перевод его повести "Фауст" - произведение, не вызвавшее интереса в Эстонии и до сих пор не переведенное на эстонский язык^{5/}. Большинство чешских читателей 40-50-х годов Гоголь воспринимался " прежде всего, как автор небольших повестей, исполненных юмора и проникнутых сочувствием к судьбам героев, униженных в своем человеческом достоинстве, автором своеобразных картин русского быта, а не страстным обличителем пороков, и с великим художником-реалистом и пророком, каким он был в действительности."^{6/}

Стало быть, вживание инонациональной литературы в чужую культурную среду определяется как скрытыми в ней потенциальными возможностями, эстетическими и духовными ценностями, которые она представляет, так и особенностями развития усваивающей среды, в которой начинается вторая жизнь пришедшей извне литературы, степенью ее политической и эстетической зрелости. Взаимодействие объекта и субъекта (литературы принимающей и литературы пришедшей) осложняется еще и влиянием на них единого мирового культурного процесса, действующими компонентами которого они, в свою очередь, являются. "Это огромное магнитное поле, где ничто не проходит бесследно. И потому, решая свои собственные национальные задачи, подсказанные эпохой и формами классовой борьбы, каждый народ вместе с тем реша-

5/ В.Адамс. Восприятия А.Блока в Эстонии. В кн.: Блокский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А.Блока. Май 1962. Тарту, 1964, стр.9; А.Флакер, И.Тургенев и хорватская литература. В кн.: И.С. Тургенева (1818-1883-1858), Орел, 1960, стр.483.

6/ К.Ровда. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. Изд. "Наука", Ленинградское отделение. Л., 1968, стр.41.

ет и мировые проблемы"^{7/}.

Литературы народов СССР, взаимообогащаясь, наследуют значительную часть богатств классического русского наследия. Как верно подметил в одной из своих статей В.Ковалев, "советская литература-это не "гоголевский период", не толстовское направление и даже не пушкинская традиция или горьковский этап. В литературе нашей эпохи скрещиваются все смыслы и потенции литературы прошлого в новом единстве и новом качестве"^{8/}. Одним из величайших достижений взаимообщения социалистических национальных культур является то, что социалистические культуры, не переставая быть национальными, непрерывно увеличивают и умножают социалистические ценности.^{9/}

Учеба у русских классиков вовсе не умаляет национального своеобразия таланта писателя, а наоборот раскрывает новые возможности его проявления. Истинный писатель, решая проблемы общечеловеческого значения на материале своей национальной республики, не просто раздвигает границы событий, характеров, явлений. Это еще не делает произведение интернациональным. "Нельзя по прихоти фантазии писателя для усиления интернационального звучания повести или романа, не разобравшись в "человеческом составе", особенностях действительности, вводить скопом представителей братских республик".

7/ К.Ровда. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. Изд. "Наука", Ленинградское отделение, Л., 1968, стр.26.

8/ В.Ковалев. Леонов и Горький (аспекты сопоставительного анализа). - "Русская литература", 1967, №2, стр.4.

9/ Г.Ломидзе. Интернациональное и национальное в советской литературе. В сб. "Проблемы взаимосвязи и взаимообогащения литературы и искусства народов СССР". Изд. "Мысль", М., 1968, стр.6.

Произведение может отвечать межнациональному назначению лишь при условии силы "выраженной в нем философии жизни, по масштабу социальных конфликтов и борений, кипящих на его страницах", - указывает далее Г. Ломидзе.

Проблема влияния является сложной формой освоения литературного опыта. Она может решаться правильно лишь при конкретном подходе и учете процесса взаимодействия национальных культур. Более развитые и богатые традициями литературы, вступая во взаимодействие, влияют друг на друга и обогащаются.

Во второй половине прошлого века шел интенсивный процесс становления латышской литературы. При этом влияние русской прогрессивной литературы на латышскую было глубоко плодотворным и способствовало ускоренному развитию латышской литературы. В начале XX столетия она была уже зрелой литературой, лучшие достижения ее были на уровне развитых европейских литератур. Сборник стихов Яна Райниса "Далекие отзвуки синего вечера" (1903) сразу же вошел в мировую сокровищницу революционной поэзии. "Стремительное развитие латышской литературы общалось с другими, более развитыми литературами. Латышские писатели не замыкались только в свои национальные рамки, почти все они учились у писателей других народов, особенно у русских." ^{10/}

Этот пример не является исключением. Аналогичный путь развития прошли литовская и эстонская литературы.

^{10/} В. Вавере, Г. Мацков. Латышско-русские литературные связи. Изд. "Зинатне", Рига, 1965, стр. 5.

Более сорока народов, ныне входящих в состав СССР, получили письменность только после Великой Октябрьской социалистической революции. Народы, входящие в состав царской России, лишены были возможности создавать свою национальную литературу. Творчески усвоив опыт более развитых в культурном отношении народов и в первую очередь - русского народа, создали блестящие произведения, например, чукотский писатель Ю.Рыхтэу, удэгейец Д.Кимонко, нанайский поэт А.Самара, карелы Т.Гуттари, А.Тимонен, Я. Ругоев, мариец М.Шкетан и др.

Взаимодействие братских советских литератур не является просто механической передачей друг другу тех или иных художественных завоеваний: оно способствует духовному росту литератур, предполагает возрастание их идейной и художественной силы.

"Процесс развития братских литератур нашей страны, - как справедливо утверждает Е.Дрягин, - ни в коей мере не исчерпывается воздействием лишь отдельных произведений или творчества отдельного художника данной литературы на другую литературу.

Факт влияния этого произведения, творчества этого писателя во многом является и фактом влияния национальной литературы в целом, ибо она взрастила его произведение, творчество этого писателя".^{II/} В условиях современного социалистического общества происходит процесс идейного и морального сближения национальных характеров, в силу

II/ Е.Дрягин. О шолоховской традиции. В сб.: "Вопросы истории и теории советской литературы". Изд. Краснодарского пединститута. Краснодар, 1967, стр.14-15.

чего образуется почва для идейного и художественного единения национальных литератур и создаются условия для взаимодействия активных литературных традиций."

Как и другие иноязычные литературы, русская литература усваивается различными путями: первоначальная информация о произведении, перевод его или издание в оригинале, но на другой национальной почве, критическое осмысление, рецензирование и интерпретация, художественно-литературное влияние на местных писателей, а также его читательское восприятие. Не обязательно каждое произведение; пересекая другой национальный рубеж, проходит все эти фазы усвоения, некоторые из них оно может и миновать. Непрерывное взаимодействие разнообразит и формы восприятия.

Однако эта последняя форма усвоения - читательское восприятие - присутствует всегда. Знакомство читателя с иноязычным художественным произведением осуществляется обычно через перевод. В свете своего собственного опыта, "который является в конечном счете опытом его поколения",^{12/} читатель осмысливает произведение и оно, пройдя через субъективное восприятие переводчика, включается в жизнь народа, на язык которого оно переведено, и незримо начинает участвовать в ней.^{13/}

Начавшийся во второй половине прошлого века интенсивный процесс развития латышской литературы усиливался влиянием прогрессивной русской литературы, способствовав-

12/ Рейзов. Наука о литературе и читатель. - "Звезда", 1966, № 5, стр. 193.

13/ К. Ровда. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях стр. 41.

шим" утверждению реализма в латышской литературе, критического реализма в творчестве многих виднейших латышских писателей конца XIX и начала XX веков.^{14/}

Великий Октябрь, пробудивший к жизни "необычайно свежие, сочные силы", еще более усилил процесс развития латышской литературы и укрепил живительные контакты латышских революционных писателей с русской литературой, которые не удалось нарушить даже в годы диктатуры Ульманиса. Мощным толчком для развития прогрессивной латышской литературы, переработания ее в литературу советскую, литературу социалистического реализма явилось тесное обличение с многонациональной советской литературой после восстановления Советской власти в Латвии в 1940 году.

Овладение классическим наследием русской литературы и опытом лучших советских писателей помогает латышской советской литературе с честью выполнять важнейшие задачи, которые ставятся перед нею партией и правительством.

Творчество Шолохова восприняли многие литературы: ни одна наша национальная литература, как ни одна зарубежная литература современности, не прошли мимо него.

Развивая реалистический метод Льва Толстого, обогащенный горьковскими открытиями социально-классовой обусловленности характера, Шолохов создал произведения, уникальные по своей глубине и многосторонности, широте историзма, анализу движения народных масс в переломные моменты истории.

14/ В.Ваверя, Г.Мацков. Латышско-русские литературные связи. Изд. "Зинатне", Р., 1965, стр.5.

15/ В.Луначарский. "Известия", 1925, № 70, 27.ш.

Развивая горьковские традиции, Шолохов воспевает свободный труд советского человека, дает гуманистическое решение темы народа и жизненных явлений; его реализм сочетает в себе широкий охват событий и углубленную разработку отдельных характеров, разнообразие эмоциональных красок в изображении духовного мира простых людей.

Опираясь на шолоховский опыт, советские писатели создают произведения не только о прошлом нашей борьбы, но и довоенной и послевоенной деревне (П.Проскурин, М.Алексеев, С.Залыгин), вырабатывая на его основе свои собственные художественные принципы. Таким же путем - путем изучения и освоения классических традиций русской литературы XIX века - шел и сам Шолохов к вершине писательского мастерства, изображая свое отношение к окружающей действительности, к ее проблемам, и выражая жизненное кредо своих единомышленников.

В 1965 году Михаилу Александровичу Шолохову была присуждена Нобелевская премия. В те дни " Правда" писала: " Нобелевский комитет, отметив непреходящую ценность шолоховских творений, тем самым подтвердил всемирное признание метода социалистического реализма и авангардной роли советской литературы в современной мировой литературе".^{16/}

16/ " Правда", 1965, 19 октября.

Книги М. Шолохова "Тихий Дон", "Поднятая целина", "Судьба человека", "Слово о Родине" стали как бы нравственным эталоном нашей эпохи.^{17/} Шолоховские произведения читают и любят миллионы, как у нас в стране, так и за ее пределами.

Сотни рецензий, критических статей, очерков, монографий и литературоведческих исследований посвящены специально произведениям Шолохова.

Шолоховедение - ныне целая область литературной науки, имеющая свою историю. Партийность, народность, эпическая широта охвата действительности, пристальное внимание к переломным моментам в истории народа, высокая трагедийность в сочетании с историческим оптимизмом, особенности стиля Шолохова - это лишь небольшая часть проблем, интересующих исследователей.

О жизни и творчестве Михаила Шолохова писали: Ф. Абрамов, Л. Бараг, А. Бритиков, Б. Бурсов, А. Бушман, В. Васильев, В. Гура, В. Гоффеншерер, Н. Драгомирецкая, И. Ермаков, Л. Ершов, В. Камянов, В. Кирпотин, Я. Кошелев, М. Кузнецов, Л. Левин, И. Лежнев, Ю. Лукин, Н. Маслин, К. Муратова, В. Петелин, В. Перцов, А. Плоткин, К. Прийма, К. Спасская, А. Упит, А. Хватов, Т. Хмельницкая, В. Щербина, Л. Якименко и десятки других исследователей.^{18/}

Достаточно широко разработана тема "Шолохов и классическая русская литература" (В. Гура, Н. Драгомирецкая, Л. Левин, И. Лежнев, Ф. Мышковская, Г. Никифоров, Л. Тимофеев, Т. Хмельницкая, М. Храпченко, М. Шагинян и др.)

^{17/} "Учительская газета", 1965, 19 октября.

^{18/} Названия статей см.: Муратова К. Михаил Шолохов. Краткий справочник. Л., 1955; Мещуев Н. Советская художественная литература и критика. Разд. библиографии. Вып. 1952-1957. М., "Сов. писатель".

О творческих связях с мастерами социалистического реализма, об утверждении эстетических принципов Шолохова в искусстве написаны статьи и исследования В. Гура, И. Лежнева, А. Калинина, М. Колосова, Л. Кошелева, А. Кривошеевой, В. Перцева, Л. Плоткина, А. Ревякина, Е. Тагера, Л. Якименко и др.

В последние годы накопились много интересного материала о мировом значении творчества Шолохова, о роли и значении его романов в жизни и литературе многих стран мира (Рудман В., Неедлы Э., Кожевников В., Полевой Б., База - ров И., ЦаоЦзин-хуа, Рюриков Б., Борзенко., Андраш Ш., Лежнев И., Вереш П., Штрийтматтер Э., Мотылева П., Лилич Г., Малиновская Т., Савицкий В., Федоренко Н., Шестинский О., Вацлавин А., Мирский Э., Кадман У., Фейхтвангер Л., Эльсберг Я., Хаймен Д., Тойн де Фрис, Степанов Г., Пинус Е. Долинина А., Моричева М. и др.

Изучение творчества Шолохова может дать конкретный материал для чрезвычайно важных теоретических обобщений о путях формирования, утверждения метода социалистического реализма в литературе и дальнейшего развития мирового литературного процесса.

Пристальный интерес критики и литературной науки к творчеству Шолохова - великого писателя нашего времени - обусловлен стремлением раскрыть ведущие тенденции современной литературы, основные принципы искусства социалистического реализма. Поэтому так ответственны задачи, встающие перед исследователями большого и важного раздела науки о литературе, именуемого шолоховедением.

Об актуальных задачах шолоховедения писали Е.Дрягин, Ю.Лукин, В.Ковалев, А.Бритиков, Л.Бараг.

Еще в 1952 году Ю.Лукин, один из первых исследователей творчества М.Шолохова, писал: "Творчество Шолохова привлекает к себе внимание многих литературных критиков, исследователей. И, однако, сделано в этой области еще очень мало. Поэтому так отрадно, что все шире становится интерес к нему со стороны молодых ученых, пишущих научные работы, монографии, исследования, диссертации, посвященные проблемам изучения творчества выдающегося советского писателя... Фундаментальная научная разработка ценнейшего, по сей день еще недостаточно изученного вклада М.А. Шолохова в советскую литературу открывает все новые и новые возможности для исследования его творчества."^{19/} О расширении и углублении проблем исследования шолоховского творчества говорили несколько лет спустя В.Ковалев и А.Бритиков на шолоховской конференции.^{20/} Несколько позже, в 1967 году, Е.Дрягин, касаясь проблем изучения творчества Шолохова, еще ожидающих своих исследователей, подтверждает мысль, высказанную Л.Бараг в статье "Современная критика о мастерстве Шолохова"^{21/}, что слабо пока разработана такая широкая тема, как "Шолохов и литература народов СССР".

Но наиболее полно были сформулированы эти задачи

19/ Ю.Лукин. Михаил Шолохов. Изд. "Сов. писатель", М., 1952, стр. 126-127.

20/ См.: "Русская литература", 1965, № 3, 295-297.

21/ Л.Бараг. Современная критика о мастерстве Шолохова. - "Дружба народов", 1958, № II, стр. 233-238;
Е.Дрягин. Шолохов и советский роман. Изд. Ростовского университета, 1966.

исследователем В.Гура уже в 1956 году ^{22/}. В последующие годы он неоднократно возвращался к этой теме, расширяя и дополняя ее, призвал объединиться и "координировать работу тех, кто изучает творчество Шолохова".

Работы В.Гура имеют программный характер, т.к. в них налицо глубокий, всесторонний подход к определению задач, стоящих перед шолоховедением.

Особенно большого внимания, на наш взгляд, заслуживает вывод В.Гура о необходимости изучения влияния шолоховского творчества на развитие национальных литератур, развивающихся в братской семье народов СССР.

Разработка обширной темы "Шолохов и советская литература" началась лишь в последние годы. Изучение частных вопросов этой темы (Шолохов в оценке советских писателей, творческие связи с отдельными литераторами, с отдельными литературами) способствует решению общей темы о творческих связях Шолохова и о его месте в советской литературе.

" Романы и рассказы Шолохова, — пишет В.Гура, — переведены на многие языки народов Советского Союза, их читают и изучают на самых различных языках и в самых отдаленных уголках страны. Однако работы, посвященные анализу переводов произведений Шолохова, начали появляться совсем недавно, а вопрос об изучении влияния этого писателя на судьбы многонациональной советской литературы, несмотря на наличие значительного материала, до сих пор еще специально не изучался". ^{23/}

22/ В.Гура "Основные задачи изучения творчества Шолохова. Доклад прочитан 24/У-1955 г. на заседании Ученого совета ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР. В сб. Михаил Шолохов, Ленинградский госуниверситет, 1956, стр. 119-137. См. также В.Гура, Ф.Абрамов, М.Шолохов. Семинарий, Учпедгиз, Л., 1958, стр. 123-130 и 2-е изд. 1962г. стр. 155-163

23/ В.Гура, Ф.Абрамов, М.Шолохов. Семинарий, Учпедгиз, Л., 1962, стр. 150.

В статье " Первооткрыватели" Л.Новиченко отмечал, что наступила пора зрелости эпической прозы в большинстве братских литератур Советской страны. В последние 10-15 лет новое качество обозначилось в полную силу - это "многообразие человеческих типов, открытых советским романом; широту его художественного диапазона сегодня трудно понять без знания, скажем, творчества таких мастеров латышской прозы, как А.Упит и В.Лацис; без насыщенных лирикой и романтикой книг украинских писателей Ю.Яновского, О.Гончара, М. Стельмаха... Вот, в каком контексте следует рассматривать и творчество великодушных русских романистов, возглавляющих советскую многонациональную прозу, - М.Шолохова, Л.Леонова, К.Федина и многих других.^{24/}

Вне учета шолоховских традиций невозможно полно представить себе становление и развитие метода социалистического реализма в советском многонациональном романе, особенно - развитие в нем таких эстетических черт, как искусство эпического изображения и психологического анализа. Шолохов как художник очень многогранен, что делает его влияние весьма разносторонним.

Окидывая взглядом обилие критической и научно-исследовательской литературы, касающейся творчества Шолохова, следует сказать, что слабее всего изучена именно проблема

24/ " Литературная газета", 1963, 13 авг.

влияния ведущего писателя на многонациональную советскую прозу.^{25/}

В обширном перечне задач, стоящих перед современным советским полоховедением, не нашла еще должного внимания такая важная, на наш взгляд, тема, как восприятие творчества М. Шолохова разными литературами.

Проблеме восприятия творчества Шолохова был посвящен международный симпозиум "Шолохов и мы", проходивший в Лейпциге в 1966 году.^{26/} Ученые из различных стран касались в своих выступлениях проблемы влияния и восприятия шолоховского творчества за рубежом. Симпозиум показал всю несостоятельность доводов некоторых буржуазных критиков, стремящихся умалить международное и общечеловеческое значение книг Шолохова и свести его к локальному колориту, изображению экзотических обычаев и чисто русских ситуаций. К. Генев (Болгария), говоря о значительном воздействии, которое оказал Шолохов на творчество писателей-партизан, убедительно показал, что шолоховские принципы являются теперь достоянием не только русской,

25/ Лишь частично этой теме касаются исследователи: Я. Часова. Произведения Шолохова на таджикском языке. Вестник Ленинградского ун-та, 1967, №8, серия ист. языка и лит-ры, вып. 2, стр. 229-244; Л. Хихадзе "Судьба человека", Д. Тухарели, Э. Кремер. Два романа. "Лит. Грузия", 1959, № 9, стр. 74-79; М. Шолохов в Казахстане". - В журн. "Советский Казахстан", 1959, №11, стр. 112-117; Н. Мингажетдинов. О творческой истории романа К. Давлетшиной "Иргиз" и "Тихого Дона" М. Шолохова. Ученые записки Башкирского ун-та, вып. 17, сер. филологических наук, №7, 1964, стр. 39-46; Л. Ли, Р. Данияров. Шолохов и узбекская литература. - "Общественные науки в Узбекистане", 1965, № 5, 47-49; Межнациональные связи киргизская литература. Тезисы докладов I-ой научной конференции Киргизского ун-та Фрунзе, 1966; Е. Дрягин, Шолохов и советский роман. Изд. Ростовского ун-та, 1966.

26/ Michail Scholochow. Werk und Wirkung. Materialien des Internationalen Symposiums "Scholochow und Wir": Leipzig, 18.-19. März 1965. Leipzig, 1966, XIII, S. 296, 1 Bl. III

но и болгарской литературы. И. Цонев ("Шолохов и проблемы современной болгарской литературы"), Г. Варм ("Произведения Шолохова в ГДР"), А. Фланер ("Югославская литература и творчество Михаила Шолохова"), И. Франек ("Михаил Шолохов и чешская литература") развернули широкую картину восприятия Шолохова на разных исторических этапах развития, представителями разных классов. Выступившие исходили прежде всего из своеобразия восприятия писателя в той или иной стране, при этом каждое сообщение свидетельствовало о пристальном внимании к изучению творчества Шолохова, проявляемом мировым литературоведением в последние годы. Лейпцигский симпозиум явился первым подобного рода собранием ученых за пределами СССР и наглядно показал, что современное шолоховедение приступило к изучению вопросов влияния Шолохова и восприятия его творчества другими народами и литературами. Успешно решается эта проблема учеными многих стран. 27/

Проблема восприятия была затронута некоторыми участниками шолоховской научной конференции, проводившейся в Ленинграде в связи с 65-летием писателя. 28/

Наряду с докладами А. Хватова " Черты народного художника ", Л. Ершова " Национальный характер в эпосе М. Шолохова ", Ф. Бирюкова " Интерпретация "Тихого Дона" в советской критике ", в которых были намечены новые задачи дальнейшего изучения " шолоховских произведений под знаком вни-

27/ См. Михаил Шолохов. Сборник. Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1966, стр. 212-250.

28/ Научная конференция, посвященная 65-летию М. А. Шолохова. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР Ленинград, 19-20 мая, 1970 г.

мания к его эстетике и поэтике, детальному исследованию форм, микроэлементов их художественной ткани", ^{29/} значительным явлением были выступления А. Бритикова и К. Прийма, затронувших проблему восприятия творчества Шолохова за рубежом. ^{30/} А. Бритиков раскрывает некоторые причины популярности произведений Шолохова в социалистических странах: вначале это были просто поиски объяснения загадочности России 20-30 годов, затем читательские массы стал притягивать антимилитаристский пафос "Тихого Дона", удивительное художественное видение революции, - роман уже имел воспитательное значение.

Как алгебру и диалектику русской революции, по словам К. Прийма, расценили венгры "Тихий Дон" Шолохова, сразу после его выхода, о чем свидетельствуют яркие революционные аннотации к роману. Германия относилась к роману по-разному: замалчивание социал-демократической прессой и восторженные оценки пролетарскими писателями Германии, затем недружелюбие над шолоховскими произведениями во времена Гитлера. И лишь после того, как романы Шолохова получили мировую известность, а Геббельс успел сжечь "Тихий Дон" вместе с "Поднятой целиной" на костре, заговорили о Шолохове в Англии. К Прийма обращает внимание и на факты грубого извращения текстов "Тихого Дона" в Англии, где были изъяты 115 страниц текста о царских генералах,

^{29/} Из заключительного слова проф. В. Ковалева.

^{30/} А. Бритиков. Восприятие творчества Шолохова в социалистических странах; К. Прийма. Шолохов в странах Западной Европы, Америки и Азии - доклады, прочитанные в Ленинграде на научной конференции, посвященной 65-летию М.А. Шолохова.

документальные свидетельства, страницы о кэзни Подтелкова, пятнадцать из 22-х песен, являющихся органической частью ткани романа, извращены фразы Кривошлякова и т.д. Однако, несмотря на это, утверждает К.Примма, англичане приветствовали "Тихий Дон".

Конференция показала, что шолоховедение успешно развивается вглубь, что настало время для теоретических обобщений в области значения творчества Михаила Шолохова для развития мирового литературного процесса.

Интереснейшие материалы, представленные в докладах А.Бритикова и К.Примма, бесспорно расширяют и углубляют разработку проблем о мировом значении творчества М.А.Шолохова.

В последние годы интерес латышских литературоведов и критиков к изучению творчества Шолохова усилился. Серьезное внимание уделено рассказу Шолохова "Судьба человека" в книге профессора Карла Краулиня "Современный советский роман" 32/ вышедшей несколько месяцев назад, в которой с принципиальных партийных позиций прослеживаются связи современной латышской романистики с общим литературным процессом всей страны. Опубликованы также статьи В.Вевере, в которых освещается отношение латышской критики к Шолохову. 33/

32/ K.Krauliņš. Mūsdienu romānu romāns. R., "Liesma", 1962.

33/ V.Vevere. Любимый писатель. - "Советская Латвия", 1965, 23 мая.

V.Vevere. Mihails Šolohova kritikas vērtējums. "Karogs", 1965., Nr. 5, 141.-144.lpp.

Книга В. Вавера и Г. Мещкова "Латышско-русские литературные связи" содержит много ценного материала о развитии русско-латышских литературных отношений за последние сто лет. "Авторы отремилась деть представление читателю о том, каким богатым источником для латышских писателей была русская литература, показать насколько многообразными были взаимотношения двух братских литератур и как укрепляются и развиваются эти отношения в настоящем".^{84/}

Передовые традиции русской классической литературы несли в лице Шолохова достойного продолжателя. В свою очередь писатели многонациональных литератур нашей страны учатся у него мастерству эпического изображения, искусству лепки характеров, умению в малом находить великое, высокой партийности, советскому гуманизму.

Не стоит в стороне от этого и литература Советской Латвии. Латышскому читателю имя этого выдающегося мастера слова было известно уже с 1929 года. За это время накопилось большое количество фактов, позволяющих проследить историю восприятия творчества Михаила Шолохова в Латвии за 40 лет, выявить, как воспринималось оно в разное время латышской критикой и литературоведением, писателями, переводчиками и читателями Латвии и каким образом способствовало, например, развитию формы большой эпической прозы в латышской литературе, и т.п.

В обширном перечне задач, стоящих перед современным советским шолоховедением, проблема изучения восприятия шолоховского творчества братскими литературами Советской страны является чрезвычайно актуальной, и помимо

84/ В. Вавера, Г. Мещков. Латышско-русские литературные связи. Изд. "Зинатне", Рига, 1965, стр.20-21.

большого научного интереса, имеет также важное политическое значение: разрешение ее явится еще одним подтверждением непреходящей роли искусства социалистического реализма в воспитании интернационализма, гуманизма, преданности делу партии и народа.

С. ИВАНОВА

М.А. ШОЛОХОВ В ВОСПРИЯТИИ КРИТИКИ И
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Революционные латышские писатели не только пристально следили за развитием советской литературы, но и сами, в своём творчестве стремились следовать ее художественным принципам, идейности и революционным традициям. Это нешло отречение в творчестве таких видных писателей и поэтов Латвии, как Андрей Упит, Линард Лейцен, Вилис Лецис, Анне Саксе, Арвид Григулис, Ян Судрабкаля, Юлий Венг, Валдис Лукс, Александр Чак, Ян Гривинь, Певил Розитис и других. Потому-то, когда в 1940 году в Латвии была восстановлена Советская власть, латышская литература, опираясь на свои революционные традиции, смогла так органично влиться в единую многонациональную советскую литературу. Дальнейшее развитие латышской советской литературы идет по пути взаимообогащения и взаимодействия с другими литературами народов СССР.

В Советской Латвии началось бурное развитие экономики и культуры. Латышский народ под руководством Коммунистической партии вершил грандиозную культурную революцию, в республике расцветала народная по форме и социалистическая по содержанию латышская культура.

В корне изменилась и литературная жизнь в Советской Латвии. Латышские прогрессивные деятели, революционные и демократические писатели продолжили создание латышской советской литературы. Естественно, что большую помощь в этом процессе оказали лучшие традиции латышской советской литературы, развивавшейся в Советском Союзе.

Многонациональная литература страны и, в первую очередь, — русская литература — явились тем источником опыта, который впитывала в себя молодая латышская литература. "Русская советская литература, — писал Андрей Упит, — за 30 лет своего существования создала произведения, которые служат художественными образцами не только для писателей нашей молодой республики, но и всего мира"²⁾.

За первый год существования Латвийской Советской социалистической республики были изданы многие произведения советской литературы, запрещенные в годы буржуазного господства. Латышский читатель получал наконец возможность познакомиться с такими книгами советских писателей, как "Железный поток" А. Серафимовича, "Бруски" Ф. Панферова, "Танкер "Дербент" Ю. Крымова, "Разгром" А. Фадеева, "Степан Разин" А. Чапыгина и целым рядом других произведений.

1) V. Vāvere. Dzīvē visur nav vienlīdzības. — "Literatūra un Māksla", 1964., 12. decembris.

2) А. Упит. Могучее влияние русской литературы. — "Сов. Латвия", 1948, 22 дек.

Интерес к литературе Советской России был настолько велик, что "правильнее было бы говорить о жажде (подчеркнуто мною - С.И.) прочесть те книги, которые были под запретом целые десятилетия", - отмечал журнал "Дарба Сиевиете" в 1940 году.³⁾

Русский народ получает возможность знакомиться с латышской культурой. В Латвию приезжают такие известные советские писатели, как В. Лугвской, Е. Долматовский, Е. Петров, Н. Вирта, А. Фадеев, В. Лебедев-Кумач, Инка-Купала, А. Корнейчук и др. Советские писатели говорят о богатом латышском фольклоре, демократических традициях и развивающейся современной латышской литературе. "Если латышский народ, стесненный оковами, создал так много, то сколько же он сможет создать, став освобожденным!", - писал в 1940 году М. Ильин на страницах первого номера литературной газеты "Литературас Авязе", призванной помочь в создании, укреплении латышской писательской организации.

14 и 15 июня 1941 года проходил I-й съезд писателей Советской Латвии. Представители почти всех братских республик приветствовали делегатов съезда в своих выступлениях. "Мне кажется, - говорил А. Фадеев на съезде, - что латышский народ обладает богатым классическим наследством, и в этом наследстве много такого, что следовало бы поднять, сделать достоянием не только всего латышского народа, но и всех народов СССР. Мы со своей стороны - представители литератур других народов СССР - можем обещать латышскому народу, что мы очень скоро все лучшее из того, что ценно для латышской культуры, сделаем достоянием всех народов СССР и что великий Райнис получит такого читате-

3) H. Moors. Ko lasit. - "Darba Sieviete", 1940., Nr. 10., 20. lpp.

дя и в таком масштабе, о котором он мог только мечтать"⁴⁾

Резолюция, принятая участниками Первого съезда писателей Советской Латвии, призвала их следовать примеру старших братьев по перу — писателей СССР, активно участвовать в создании социалистического искусства, сделать его верным оружием латышского трудового народа в борьбе за коммунизм.

Секретарь ЦК КП Латвии Ж. Спуре в своей речи сказал: "Нам нужна литература, вливающая силу. Например, такая, как романы Шолохова и Островского, песни Лебедева-Кумача."⁵⁾

Никогда до этого столько не писалось и не говорилось в Латвии о Шолохове, как в первый год после восстановления Советской власти. Это были рекомендации, что читать⁶⁾, ибо "читатели... толпятся в книжных магазинах, но не будучи информированными об авторах, покупают книги более наугад, без всякой системы... Поэтому внимание любителей книг должно быть обращено в первую очередь на нижеуказанных писателей, произведения которых должны всегда находиться на книжных полках,"⁷⁾ и далее автор в числе ведущих советских писателей называет имя Михаила Александровича Шолохова, подробно останавливаясь на двух его романах — "Тихий Дон" и "Поднятая Целина".

Это были и довольно большие статьи, написанные крупными латышскими литераторами. Внимание к Шолохову не было случайным.

4) "Пролетарская правда", 1941, № 12

5) "Literatūras Avīze", 1941., Nr. 12.

6) A. Sakse. Jaunākās grāmatas. — "Atpūta", 1940., 826.

7) H. Meera. Kā lasīt. — "Darba Sievieta", 1940., Nr. 10., 12., 22. lpp.

До этого латыши мыло были знакомы с произведениями Михаила Шолохова: в 1933 году Юлий Ванак перевел рассказ "Смертный враг", который был напечатан в журнале "Домас", в конце того же года газета "Педеяс Бридис" публикует с определенными сокращениями роман "Поднятая целина" и в 1934 году Ян Ниедре переводит отрывок из "Поднятой целины", который был помещен в журнале "Вирзиенс"⁸⁾ - вот все, что появилось из произведений Шолохова на латышском языке до 1940 года. К концу 1940 года известный писатель и переводчик Валдис Гревинь⁹⁾ перевел на латышский язык первую книгу "Тихого Дона". Тираж книги был всего 4200 экземпляров. Однако спрос на нее оказался настолько большим, что тут же было осуществлено дополнительное издание в 3000 экземпляров, которое тоже очень быстро разошлось среди читателей. Через несколько месяцев была опубликована и переведенная Валдисом Гревиным вторая книга романа Шолохова. "О славе Михаила Шолохова и его эпопей о казаках говорилось уже давно, но лишь редкому латышу выпадало счастье познакомиться с романом. Сейчас его может читать в переводе Валдиса Гревиня весь народ нашей Республики", - писала газета "Бривайс Земниекс".¹⁰⁾

Тема "Тихого Дона" была актуальной для молодой Советской Латвии: борьба старого с новым, преодоление "хуторской" психологии крестьянина, неминуемая победа нового, революционного через муки и страдания - все

-
- 8) M. Šolohovs. Nāvīgais naidnieks. No krājuma "Domas atāsti". Tulk. Jūlijs Vanags. - "Domas", 1933., Nr. 10., 561.-572. lpp.
- M. Šolohovs. Kulaku iznīcināšana. Nod. no romāna "Uzplēstais līdums". Tulk. J. Niedeře. - "Virziens", 1934., 1/2, 73.-75 lpp.
- M. Šolohovs. Plēsums. - "Pēdējā brīdī", 1933., Nr. 294.-1934. Nr. 64. Tulk. M. Ozoliņa.
- 9) M. Šolohovs. Klusā Dons. Pirmais grāmata. 1940. R., Vēsp. Tulk. V. Grēviņš.
- 10) A. Rauda. Klusā Dons. 1. - "Brīvais Zemnieks", 1940., Nr. 13.

о находило живой отклик среди читателей Латвии.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что почти все печатные органы молодой Советской Латвии откликнулись на появление перевода первых книг "Тихого Дона". Зеты "Пролетарская правда", "Трудовая газета", "Аттышская правда" и литературно-художественный и общественно-политический журнал "Светская Латвия" - на русском языке; "Циня", "Падомье Латвия", "Тайсней-", "Бривайс Земниекс", "Дарбо", "Яунайс Комунарс", "Комунисте" и журналы "Дарогс", "Дарва Сиевиете" - латышском языке поместили за первый год существования молодой республики более двух десятков материалов Шолохове и его творчестве! Правда, нужно учесть, что часть из них была заимствована из статей таких известных советских исследователей творчества Шолохова, как Лукин, И. Лежнев, В. Гюфеншефер,¹¹⁾ - и это было естественным: шел период становления латышской советской критики. Однако же существенным был тот факт, что еще Шолоховскому творчеству стремились дать ведущие латышские писатели, суждения которых отличались ежестью восприятия.

Первым на перевод "Тихого Дона" откликнулся поэт Ий Ванаг, явившийся в свое время и первым переводчиком Шолохова в Латвии: статья "Тихий Дон" - М. Шолохов" была опубликована в первом номере нового журнала

11) См. Ю. Лукин. Лауреаты Сталинской премии. - "Латгальская правда", 1941, № 88; И. Лежнев. Творчество М. А. Шолохова. - "Трудовая газета", 1940, № 23; В. Гюфеншефер. Михаил Шолохов. - "Трудовая газета", 1940, № 58; J. Lukins. Padomju Tautas iemīļotais rakstnieks. - "Cīņa", 1941, Nr. 96. J. Lukins. Mihails Šolohovs. - "Taisneība", 1940, Nr. 72; V. Gofenšēfers. Mihails Šolohovs. - "Darbs", 1940, Nr. 29.

"Карогс" за 1940. 12) Отмечая самобытность темы шолоховского романа, Ю.Ванаг подробно останавливается на большом познавательном значении романа, изображающего жизнь и быт казачьей станицы; латыши имели весьма слабое представление об этом, " ... Книга была открыта и с каждой страницей все сильнее притягивала", - пишет Юлий Ванаг. И постепенно в воображении читателя традиционный образ казака с нагайкой, безжалостно разгоняющего революционные демонстрации (жестокий 1905 год навсегда остался в памяти и латышского пролетариата), менялся, приобретая какие-то новые человеческие черты. Эта книга... "как мощное полотно", раскрывает перед читателем необычный быт и характер трудового казака так ясно, как никто этого не сумел сделать". Стиль Шолохова Ю.Ванаг считает " одним из самых ярких проявлений социалистического реализма".

Разговор о романах Шолохова был продолжен и в следующем номере журнала: на его страницах со статьей "Михаил Шолохов" выступил сам переводчик Валдис Гревинь. 13) Его уже нет среди нас, (Валдис Гревинь умер в 1969 году), но строки, выведенные трепетной и чуткой рукой этого мастера перевода, дышат и по сей день большой любовью к шолоховскому слову. " Не будем говорить о нас, латышах, - для великого русского народа, для всех народов бескрайних просторов Советской страны Михаил Шолохов открыл казаков ... людей, таких же, как мы; людей, которые глубоко любят и глубоко страдают; которые так же чувствуют классовые противоречия и вовлекаются в классовую борьбу, как и всюду в мире ... От первой до последней книги Шолохов про-

12) J.Vanags. Mihaila Šoloheva -"Klusā Dons".-"Karogs", 1940.,Nr.1., 149.-150.lpp.

13) V.Grēviņš. Mihaila Šolohevs.-"Karogs", 1940.,Nr.2., 194.-205. lpp.

делал колоссальную работу - работу, которая может внушить самое большое уважение к труду писателя".

В. Гривинь справедливо считает, что Шолохов своими произведениями ясно сформулировал то, что "мы сегодня называем социалистическим реализмом, чему он остался верен во всех своих произведениях". Латвийский литератор видел силу "Тихого Дона" в глубоком обнажении закономерностей и противоречий эпохи, изображенной в романе, в нем он видел движение народной жизни, судеб народа.

В советской литературной критике того времени велось много споров вокруг романа "Тихий Дон". Особенно они усилились в связи с выходом последней книги романа. Первое обсуждение состоялось 19 мая 1940 года. В нем принимали участие В. Гоффеншефер, В. Лукин, В. Перцов, В. Кирпотин и др. Дискуссия была продолжена на страницах "Литературной газеты" и длилась до конца года. Наряду с верными суждениями, высказывались и односторонние, теоретически беспомощные. Критиков печалила в основном судьба Григория, его страшный конец, большинству же участников дискуссии остался не ясен даже смысл романа.¹⁴⁾ В ноябре 1940 года споры возобновились с новой силой на заседаниях литературной секции Комитета по Сталинским премиям. Споры уже велись вокруг вопроса об "областничестве" Шолохова. Члены Комитета упрекали Шолохова в "ограниченности" "Тихого Дона" областной казачьей средой, говорили, что в романе не показана активная народная сила, которая ведет революцию и оправдывает все трагические коллизии и жертвы, принесенные ради торжества ее.¹⁵⁾ Среди литературных кругов была довольно широко распространена точка зрения, согласно которой рома

14) Ф.Абрамов, В.Гура. М.Шолохов. Семинарий. Учпедгиз.

15) Архив А.Н. Толстого. ИМЛИ, № 855/2, кор. 63.

якобы ограничивается узким кругом воззрений, чувствований старозаветного быта тихого Дона, над которым вдруг разразилась гроза. ¹⁶⁾

Будучи знакомым с материалами этой острой полемики вокруг шолоховского романа, Валдис Гревинь смело говорит в защиту Шолохова: "... Во всех своих произведениях Шолохов пишет только о казаках. Не свидетельствует ли это об известной тематической узкости? Да, конечно. Но узость такой темы ничуть не означает ограниченности ее духовного плана. В том-то и заключается самое интересное, что он (Шолохов - С.И.) своей узкой темой является писателем очень широкого масштаба. В его казаках — весь мир, все важнейшие проблемы современности, все многообразные переплетения человеческих отношений, вся гамма чувств. В этом смысле больших писателей иногда сравнивают с шахматистами: так гениальный шахматист одними и теми же фигурами демонстрирует наисложнейшие и необычные ситуации". ¹⁷⁾

В этой статье Валдис Гревинь касается и второго романа Шолохова — "Поднятая целина". Он высказывает своеобразную точку зрения; хотя в "Поднятой целине" нет той широкой "предыстории", как в большой эпопее Шолохова, однако можно сказать, что сам "Тихий Дон" является предысторией "Поднятой целины" ¹⁸⁾. По сути, это утверждение не лишено основания: действительно, многое роднит Михаила Кошешова с Семеном Давыдовым, Нагульновым, а без самоотверженности и беззаветной преданности Кошешова

16) Обсуждение четвертой книги "Тихого Дона". — "Лит. газета", 1940, № 29; И. Дежнев, Две души (О "Тихом Доне" М. Шолохова). — "Молодая гвардия", 1940, № 10, стр. 112-152.

17) V. Grēviņš. Mihails Šolohova. — "Karogs", 1940, Nr. 2., 197. lpp.

18) Там же, стр. 200.

Вряд ли бы выросли Давыдовы 30-х годов! Нет, — пишет В. Гревинь, — Шолохов написал не агитационный роман. Он создал глубокое произведение о больших и серьезных вопросах. Имя Шолохова давно уже гремит не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Но нигде так высоко не чтут этого писателя, как чтит его большая социалистическая Родина".

В том же 1940 году народный писатель ЛССР Эрнест Бирзниека-Упитис выступает на страницах молодежной газеты "Яунайс Комунарс" ¹⁹⁾ с двумя статьями, посвященными романам Шолохова. ²⁰⁾ Автор отмечает мастерство реалистического изображения характеров в романе, "читатель не может вообразить их другими".

Однако язык "Тихого Дона" латышскому писателю показался "трудным, ибо испещрен диалектизмами народного казачьего говора".

Вторая статья Бирзниека-Упитиса посвящена роману "Поднятая целина" ²¹⁾. "Автор многими разнообразными характерами убедительно показывает читателю, что среди казаков, так же, как и во всем трудовом народе, окончательно зреет и укрепляется классовое самосознание."

Оценка "Поднятой целины", данная Бирзниеком-Упитисом более 30-ти лет назад полностью совпадает с современными представлениями об этом романе: "Герои его романа в короткий срок вошли в народ как веяние времени, — так же, как у нас Швауксты и Путрас Дауки. Шолохов — истинно на-

19) "Jaunais Komunārs" у avīze, Latvijas Komunistiskās Jaunatnes Savienības Centrālais orgāns.

20) E. Birznieks-Upītis. "Klusā Dons" — romāns par kazakiem. "Jaunais Komunārs", 1940., Nr. 33.

E. Birznieka-Upītis (E. B.) M. A. Šelehevs. — turpat.

21) E. B. (E. Birznieks-Upītis). M. A. Šelehevs. — "Jaunais Komunārs", 1940., Nr. 33.

родный писатель."

Ян Судрабкалис в статье "Михаил Шолохов", опубликованной в газете "Падомью Латвия"²²⁾, дал высокую оценку шолоховскому творчеству: "Богатства русского языка и лучшие классические традиции нашли в лице Шолохова внимательного и гибкого молодого вачтеля... Выросла литературная слава Шолохова, большая и блестящая". Он отметил также "силу изображения и идейную ясность "Тихого Дона". Говоря о большой популярности произведений Михаила Шолохова среди простого народа, Ян Судрабкалис ссылается на работы И. Лежнева, В. Гоффеншера, в которых рассказывается об активном воздействии "Поднятой целины" на колхозное строительство в СССР. "Локальную тему, тему жизни донского казачества, Шолохов развернул в широкую эпопею, в которой отражено развитие всего Советского Союза, переданы основные мысли о его новой социалистической культуре, показаны его люди, их борьба, свидетельствующие о его расцвете". В этой же статье латышский поэт, рассказывая о творческом пути Михаила Шолохова, приводит высказывание А. Серафимовича, сравнившего молодого писателя с орленком, крылья которого оказались орлиными.²³⁾

Заканчивает Ян Судрабкалис статью, посвященную Шолохову, примечательной фразой: "В настоящее время Шолохов гостит в Прибалтийских Советских республиках и прибудет также в Ригу". М. Шолохов действительно посетил Эстонию, 12 марта 1941 года "встретился в Таллине с эстонскими писателями и журналистами, затем выехал в Тарту и Ригу".²⁴⁾

Однако не сохранилось никаких свидетельств о пребывании М. Шолохова в Риге, маршрут поездки писателя, вероятно, был изменен.

22) J. Sudrabkalns. Mihails Šolohovs. "Padomju Latvija", 1941., Nr. 66.

23) "Правда", 1928, № 91.

24) Ф. Абрамов, В. Гура. М. Шолохов. Семинарий, Учпедгиз, 1958, стр. 162

С лучшими произведениями писателей национальных литератур нашей страны знакомила латышского читателя газета "Бривайс Земниекс"²⁵⁾. Здесь же была помещена и статья о "Тихом Доне" Шолохова. Очень точно подметил ее автор А. Рауда важную "особенность Шолохова - социалистического реалиста: его умение показать момент, когда еще понимание многих социальных вопросов находится на низком уровне и как оно, постепенно развиваясь и проясняясь, вырывается наружу и увлекает за собой уже не отдельные личности, а целые массы: "идейный рост показан очень размеренно, нигде не переходя в навязчивую публицистику. Картина за картиной, ситуация за ситуацией. К тому же, все тесно взаимосвязано, каждая мелочь, как вылеплена, каждое лицо остается в памяти." Шолоховское искусство изображения "проявляется всюду: в идиллической пейзажной зарисовке, и в любовной сцене; в кровавой драке и в спорах о социальных вопросах; в бессмысленных эпизодах войны - всюду видим большого художника, который объективен до конца". А. Рауда также первым в латышском литературоведении того времени говорит о психологическом мастерстве Шолохова: "...трудно превзойти его в изображении бушующих человеческих страстей."

Этот художник не припудривает язык героев и изображение ситуаций. Он правдив и показывает все абсолютно правдиво, хотя это кажется порой непривычно натуралистическим. "Поэтому стилистическая амплитуда романа чрезвычайно широка - от романтизма до прямого натурализма. Но это ни в коем случае не смешение стилей."

Рапповская критика в свое время силилась доказать "физиологический характер" романа, примитивно-натуралистическую сторону описанного Шолоховым мира усмотрел в романе и В. Кирпотин.²⁶⁾

25) Rakstu rakā. - "Brīvais zemiēks", 1940., Nr. 13., 6. lpp.

26) В. Кирпотин. "Тихий Дон" М. Шолохова. - "Красная новь", 1941, № 1, стр. 192

Однако, мысли А. Рауда принципиально расходятся с последними, ибо в романе Шолохова он видит не просто скольжение по поверхности вещей и явлений и привнесение натуралистического элемента ради создания внешнего правдоподобия, а именно - проникновение в сущность изображаемого и создание подлинно типических образов.

"Михаил Шолохов дал нам два замечательных произведения "Поднятая целина" и "Тихий Дон", - пишет в статье "Что читать?" Х. Моорс, помещенной в журнале "Дарба Сиевиете"²⁷⁾ Автор также отмечает высокую идейность романов, далеко переходящую границы изображенной Шолоховым казачьей среды, и ставит произведения советского писателя в ряд "с бессмертными творениями классической литературы". Восторженно оценивая "Поднятую целину", автор статьи советует "прочитать эту книгу каждому крестьянину и черпать в образе героя романа Давыдова силы, чтобы, как сказал В.И. Ленин, крестьянин из резерва буржуазии стал резервом пролетариата".

Этот совет был, как нельзя, кстати, т.к. Советской Латвии предстояло встать на рельсы коллективизации. Содействовать партии и народу в решении труднейших задач в тот ответственный период времени помогало латышскому искусству творчество Михаила Шолохова. В Государственном театре оперы и балета готовилась к постановке опера И. Дзержинского "Тихий Дон", написанная композитором в 1935 году и сыгравшая в свое время заметную роль в развитии советской реалистической оперы. Для театра это был большой экзамен. "Совершенно новая для нашего оперного театра социально-бытовая тематика, с ее новой музыкальной драматургией, поставила перед театром вопросы художественного направления и методов работы во всей их полноте

27) H. Moors. Ko lasit? "Darba Sieviete", 1940., Nr. 10., 20., 21. lpp.

и заостренности", - писала в журнале "Советская Латвия" Женни Бахрах.²⁸⁾ Постановка "Тихого Дона" на творческом пути нашего ГОСТОБ"а является знаменательным этапом пробы сил. И, нужно признать, - театр это испытание выдержал с честью."

Литературоведение молодой Советской Латвии проделало значительную работу в первый год после восстановления Советской власти по пропаганде шолоховского творчества. Издание книг М.Шолохова на латышском языке; многочисленные статьи, знакомящие латышей с биографией и творчеством советского писателя; наконец, постановка оперы И.Дзержинского "Тихий Дон" на сцене Государственного театра оперы и балета Латвийской ССР, - все это способствовало укреплению дружественных связей русской и латышской советских литератур.

О большом интересе к творчеству Шолохова свидетельствуют факты очень быстрой распродажи двух изданий "Тихого Дона", изданных довольно большим для того времени тиражом - 7300 экземпляров.

Об этом же говорит и значительный интерес латышских литературоведов, выступивших в течение года более чем с 20-ю статьями, в которых дана высокая оценка творчества писателя.

В первые послевоенные годы - в годы восстановления разрушенного войной хозяйства и коллективизации деревни - интерес латышских критиков к Шолохову был особенно велик. Многие обстоятельства, события и факты, о которых писал советский писатель еще в 30-е годы - в период борьбы за колхозы в СССР - были сходны с исторической и политичес-

28) Ж.Бахрах. Три постановки Государственного театра оперы и балета ЛССР. - "Сов. Латвия", 1941, № 2, стр. 171-173.

кой обстановкой, которую переживала молодая Латвийская республика в те годы. Большая часть советских народов уже прошла долгий и трудный путь социалистического преобразования деревни, а Латвия еще только начинала его. В латышской деревне шла жестокая классовая борьба с кулаками, которые пока были в силе, и их еще предстояло ликвидировать как класс. "Поднятая целина" Шолохова - " не только увлекательный роман, но и политическая книга, в которой тема своего времени поднята на большую идейную высоту" ²⁹⁾ писала газета " Литература ун макола" в 1947 году.

Обстоятельную статью латышского писателя Яна Гранта о " Поднятой целине" опубликовал в 1947 году литературно-художественный журнал " Карогс". ³⁰⁾ Среди советских писателей, говорит Ян Грант которые изображали процесс коллективизации, переход крестьянства к социалистической системе сельского хозяйства, его духовный рост, Шолохов создал самое замечательное, самое выдающееся произведение. Его роман нашел и завоевал миллионы читательских сердец и умов во всех уголках нашей Родины и переведен на многие языки мира". Заслуга Шолохова, по мнению Яна Гранта, состоит в том, что он дал обобщающую картину борьбы за коллективизацию, которая была характерна для многих областей Советского Союза.

Оценки латышских писателей всего романа и образов Давыдова, Нагульнова, Разметнова как нестигаемых коммунистов, " преданных партии большевиков и умом и сердцем", полностью совпадают с отношением к ним современного советского литературоведения. Наряду с достойными подражания чертами их характера Ян Грант видит также слабые сто

29) "Literatūra un Māksla", 1947., 3. janv.

30) J. Grants. Romāns par kolektīvizāciju. - "Karogs", 1947., Nr. 2., 156.-160. lpp.

роны и ошибки в трудной работе этих коммунистов, "которым доверила партия коллективизацию в Гремячмы, в полтора тысячах километров от Москвы". Это сделало их еще более дорогими и близкими читателю. "Шолохов - непревзойденный мастер типа. Как в жизни нельзя найти двух одинаковых людей, так же и в книгах Шолохова, несмотря на то, что героев связывают общая борьба и долг. Характеры героев Шолохова столь же разнообразны и многогранны, какими их может создать только человеческое общество."³¹⁾ С верных позиций оценивает латышский писатель и образ середняка Майданникова, "прочно сросшегося с новыми условиями... и понимающего, что путь его и таких же, как он, крестьян, ведет в колхоз".

Особенно подробно останавливается Ян Грант на характеристике врагов Советской власти - Островнова, Половцева и Лятевского, "до смерти ненавидящих Советы", Заостряя на этом внимание читателя, Ян Грант тем самым призывает его к бдительности: "Есть много общего в событиях, переживаемых нашей деревней, где идет острейшая классовая борьба, и тем, что изображено в романе... Роман Шолохова - книга, одухотворенная идеей большевистской партии."

О политическом значении "Поднятой целины" для борьбы за коллективизацию латышской деревни, об актуальности темы романа для Латвии того времени писал также критик Эдгар Дамбур в 1947 году: "Идейное значение книги Шолохова выходит далеко за рамки своего времени. Это не роман одного дня, а произведение, входящее в число тех книг советской литературы, которые останутся для будущего как памятник великой исторической эпохе. Кроме того, это произведение переживает с сегодняшним днем особенно нашей республи-

31) Там же; стр. 160.

ки, многие условия жизни которой пока напоминают изображенное в шолоховском романе",³²⁾

Ликвидация кулаков, подчеркивает Э.Дамбур, требует не только силы, но и правильной ориентации и понимания сложности обстановки, умения разбираться в людях. Люди, подобные Островнову, являются ярыми и самыми опасными врагами Советской власти. Однако главным, по мнению критика, было стремление автора показать победу большевистской партии, заботу Советской власти о благосостоянии трудящихся масс и их борьбу за социализм. По-шолоховски, дифференцируя социальный состав деревни того периода, Э.Дамбур подробно останавливается на образе Тита Бородина; в прошлом красноармейца, а теперь - кулака, накопителя, стало быть, врага Советской власти, подчеркивает бескомпромиссное отношение к нему Давыдова.

Верно трактует критик образ середняка Кондрата Майданикова как силу, на которую может опереться Советская власть в борьбе с кулаком.

Любишкин и Демка Ушаков, с их "натруженными руками да единственной рубахой на теле", пишет далее критик, всей душой поддерживают линию партии на коллективизацию, ибо "колхоз - их кровное дело, ставшее неотъемлемой, органической частью всей жизни".

Называя Давыдова "творческим марксистом", латышский критик ставит его рядом с Левинсоном и Павкой Корчагиным, подчеркивая тем самым огромную силу примера, вложенную писателем в этот образ, призывает латышских коммунистов учиться у Давыдова "крылатой отваге, пылкому энтузиазму и беззаветной преданности делу большевиков".

Двумя годами ранее появилась статья латышского поэта Андрея Балодиса "Михаил Шолохов"³³⁾, в которой он го-

32) E. Damburs. Mihails Šelehova romāns "Pīļšums". - "Literatūra un Māksla", 1947., 3. janv.

33) A. Balodis. Mihails Šelehova. - "Cīņa", 1945., 27. maijā.

ворил о значении творчества писателя, подчеркивает поразительное мастерство Шолохова - художника и Шолохова - исследователя, помогающего " понять жизнь и характер казака во всей его глубине". Шолоховские произведения, замечает А. Балодис, " непосредственно влияли на строительство социализма. Они обнажали наиболее болезненные стороны казачьей жизни и бессмысленность старых традиций, кроме того, показывали людям новый путь к счастью и благополучию, который открыл им советский строй".

С большой критической статьей о романе " Поднятая целина" в эти же годы выступила в газете " Падомя Яунатне" журналистка и переводчица Анна Тирзмала.³⁴⁾

Статья написана в 1946 году в связи с выходом в Латвийском государственном издательстве романа Шолохова на латышском языке.

А. Тирзмала находит очень точные слова для того, чтобы раскрыть идейное содержание романа. В Гремячем Логе, пишет автор, " где раньше, будто на невспаханной полосе, росли в беспорядке разные дикие травы, социализм, начиная свое победное шествие, поднимает целину, истребляя сорняки, чтобы на их месте заколосилось щедрое поле."

Борьба классов непримирима и жестока, враг маскируется, подчеркивает А.Тирзмала, касаясь вредительства Островнова и ему подобных, что " с виду кажутся гладкими и покладистыми, а в действительности оказываются кровожадными хищниками, которых трудно назвать людьми". Автор заостряет внимание читателя именно на образах врагов, чтобы помочь ему разобраться в окружающей среде того трудного времени. Вслед за Я. Грантом и А.Балодисом Анна Тирзмала подчеркивает огромное актуальное значение романа для Латвии:

34) А.Тирзмала, M.Selcova "Plēsuma" (kritika).-"Padomju Jaunatne", 1947.,29.martā.

" События, описанные в " Поднятой целине" перекликаются с происходящим сегодня в деревне нашей республики, где так же, как и тогда на Дону, идет острая классовая борьба и так же разные " островновы" пытаются затормозить ход событий, сохранить свои кулацкие привилегии за счет трудового народа".

Достоинство романа, по мнению журналистки, состоит не только в том, что он " учит нас острее и яснее представить классовую борьбу в современных условиях", но и в том, что роман имеет огромную художественную ценность и приносит читателю эстетическое наслаждение. Перед статьей А.Тирзмала стоит рубрика: " Юноша, прочти эту книгу!".

О творческом пути автора романов - " Тихий Дон" и " Поднятая целина ", которые " читает весь мир", писал Ян Судрабкали в связи с 40-летием Михаила Шолохова.³⁵⁾ В том же году " Литература ун Максла" помещает статью О.Резника. " Советская русская проза сегодня", в которой говорится о большом значении Шолохова для развития советской литературы.³⁶⁾

"Изображение земельной коллективизации в романе М.Шолохова " Поднятая целина", так называлась заметка, которую поместила районная газета " Земгалис Коммунистс" в 1947 году.³⁷⁾ Автор справедливо указывает, что события, изображенные Шолоховым в " Поднятой целине", " можно отнести в любую часть Советской страны, ибо причины и вытекающие из них явления одни и те же всюду: в последней,

35) J.Sudrabkalns. Mihails Šolohovs.-"Literatūra un Māksla", 1945., 25.maijā.

36) O.Rezniks. Padomju preza šodien. -"Literatūra un Māksla", 1945., Nr.50.

37) A.Īmārs. Zemes kolektīvizācijas attēlojums M.Šolohova romānā "Plēsums",-"Zemgales Komunists", 1947., 1. jūnijā.

предсмертной агонии встают на дыбы кулаки в борьбе за удержание власти в своих руках против нового расцветающего социалистического хозяйства деревни". В статье указывается на большую роль, которую играл роман в условиях латышского села тех лет, освещая "оходные обстоятельства и явления. " Сейчас там развернулась острая классовая борьба. Надо сбросить с плеч старое бремя собственности, ..., противопоставив ему общественные, государственные народные интересы". Для латышского народа " борьба за коллективизацию, которую с таким художественным мастерством показал в " Поднятой целине" Шолохов, не была напрасной", - заканчивает автор статьи.

Аналогичного характера материалы были опубликованы и в других районных газетах.^{38/}

Республиканская газета " Советская молодежь" в одном из своих номеров³⁹⁾ приводит слова Шолохова, сказанные с трибуны ХУШ съезда партии: " Народ, которому мы служим, своим искусством, ежедневно говорит о нашей работе устами читателей. Нас критикуют, ругают, когда надо, поддерживают под локоть при творческих неудачах, хвалят, когда мы этого заслуживаем, и каждый из нас постоянно чувствует около себя эту направляющую исполинскую трудовую и ласковую руку народа-созидателя". Действительно, в Советской Латвии тех лет не только в печати много говорилось о Шолохове, но также обсуждались его романы на читательских конференциях⁴⁰⁾ в литературных кружках читались доклады о Шолохове.⁴¹⁾

38) F. Icgins. Mihails Šolohovs. - "Latgales Zemnieks", 1946., 3. febr., "Plēsums". Lasa referātus par padomju rakstniekiem. - "Mazselača"/"Liesma", 1949., 7. janv.

39) D. Ивашенко. Михаил Шолохов. - "Сов. молодежь", 1946, 5 июля.

40) Z. Skrote. Apapriekš Mihaila Šolohova romānu. - "Padomju Jaunatne", 1947., 19. apr. Lasītāju konference. "Plēsums", - "Latgales Taisneība", 1949., 5. janv.

41) P. Pujāts. Literāro pulciņu darbs. (Višķu dārzkopība) - "Latgales Taisneība", 1949., 6. janv. Literārais pulciņš izvērsē savu darbu. (Nīcā). - "Komunisti", 1949., 11. janv.

С большим интересом, например, прочли "Поднятую целину" учащиеся школы Министерства внутренних дел, где было устроено обсуждение романа. "Роман, — пишет Э.Скроте, — глубоко захватил всех, раскрыл многие актуальные проблемы нашего времени... Поэтому учащиеся очень тщательно готовились к его обсуждению". Присутствовавший на конференции писатель Ян Ниедре рассказал о творческом пути Михаила Шолохова, подробно остановился на характеристике "Поднятой целины". Характерно, что в выступлении Яна Ниедре — одного из тех, кто еще в годы буржуазной Латвии не побоялся перевести отрывок из романа "Поднятая целина", — также отмечалось, что роман, несматривая на то, что "он написан 17 лет назад, не утратил своей актуальности и теперь. Изображенные в романе события аналогичны тому, что переживает деревня нашей республики, где так же, как тогда на Дону, идет острая классовая борьба".

Таким образом, в количественном отношении материалов о Шолохове и его творчестве появилось достаточно в латышской критике первых послевоенных лет. Преимущественное внимание к "Поднятой целине" объясняется сходностью борьбы за социалистическое сельское хозяйство Латвии с изображенным в романе Шолохова.

Правильно трактовалась идейное содержание романа "Поднятая целина", образы коммунистов и других персонажей, высоко оценивалось в общем творчество М.Шолохова.

Оценивая образы коммунистов, критики подчеркивают большую организующую роль партии в преобразовании деревни, в тех коренных переменах, которые совершались в жизни и сознании крестьянства.

Однако следует сказать, что латышская критика пока лишь ограничивалась общей констатацией фактов, пересказом содер-

жания без конкретной связи с политической и идеологической борьбой за коллективизацию латышской деревни. Из поля зрения критики совершенно выпал незабываемый дед Шукарь, ничего не говорится о женщинах, изображенных в романе, мало анализируется текст произведения.

Вероятно, эти недостатки были связаны с общим состоянием литературы о Шолохове того времени (42). Латышская советская критика переживала пору становления, на ее мужание требовалось время. Преодоление этих недостатков было возможно на основе более углубленного и детального изучения произведений Шолохова (и других советских писателей), рассмотрения его творчества в широкой историко-революционной перспективе, изыскания фактов внутренней связи писателя с классической и современной латышской и русской литературами.

Именно такой научный подход к анализу творчества Шолохова наблюдается в 50-е годы. В эти годы к нему обращаются Андрей Упит, Волдемар Мелнис, Ян Грант, Эвалд Сокол.

Журнал "Карогс" публикует главу из очерка об эстетике социалистического реализма Андрея Упита "Монументальная форма социалистического реализма", которая в последствии вошла как составная часть в капитальный труд "Вопросы социалистического реализма в литературе"⁴³⁾, удостоенного в том же году Государственной премии республики. Андрей Упит на наглядных примерах, тщательно их анализируя, отмечает "несколько важнейших явлений в самом процессе творчества, в замысле произведения, в изобразительном стиле и в эстетике социалистического реализма вооб-

42) См. И. Лежнев. Михаил Шолохов. М., "Сов. писатель", 1948; Ю. Лукин. О творческом пути Михаила Шолохова, "Знамя", 1948, № 9, стр. 154-174.

43) "Карогс", 1952, № 6, 597-607. Эта же статья была напечатана на русском языке в журнале "Знамя", 1954, № 4, 160-171. В 1955 году она вошла в одну из глав сборника А. Упита "Литературно-критические статьи", Латгосиздат, Рига, 1955, стр. 189-214. Цитируем далее по этому изданию.

ще; явлений, которые отличают советскую литературу от всех литератур, существовавших до нее" 44).

А.Упит очень своеобразно ставит вопрос, впервые в латышской советской литературе, о монументальном реализме, о большой эпической форме, подробно касаясь анализа трилогии А.Толстого "Хождение по мукам" и эпопеи М. Шолохова "Тихий Дон", Характеризуя также произведения эпической прозы буржуазного времени - "Рига" А.Деглова и "Родина" Е. Яншевского, Андрей Упит детально разбирает роман В.Лациса "Буря", считая его "доселе крупнейшим и лучшим из произведений развернутой прозы" (209) в латышской литературе.

Миниатюрные формы, по выражению писателя, большого стиля " в своеобразно аранжированных вариантах" обрабатывались уже Фурмановым, Фадеевым, Серафимовичем на материале гражданской войны и строительства социалистического строя в России.

Однако " грандиозность переворота и преобразований во всех областях жизни многомиллионного народа требует для своего отображения литературы небывало развернутых и многогранных форм" (190) . Первым произведением " большого стиля" А.Упит называет " Хождение по мукам" Алексея Толстого. Монументальный реализм " не обходит отдельного человека, но он охватывает описанием народы, государства, эпоху, исторический момент - жизнь коллектива, который придает своеобразие и значимость каждой одиночной личности". Особенности трилогии А.Толстого латышский писатель видит в отсутствии центрального героя: Толстой изображает русский трудовой народ, его свобо-

44) Там же, стр. 190. Далее нумерация страниц дается в тексте.

любие, столетиями взращиваемое и копившееся" (192). Отсюда и разнообразные изобразительные средства, необходимые для композиции столь обильного материала. "Именно в композиционной форме этого множества эпизодов проявился во всей полноте реалистическое мастерство Толстого", который использует многие средства старого традиционного романа с мастерским умением и поднимает их на новую ступень социалистического искусства. А. Упит имеет в виду самую сюжетную основу трилогии: революция и гражданская война разлучают Телегина и Роцина с их женами, вовлекая их в стремительный водоворот событий и сталкивая с разными людьми, носят по всей России. Огромный эпический талант А. Толстого не дает этому увлекательному повествованию превратиться в приключенческий роман: "Эпическое искусство Толстого сплетает эти мелкие зарисовки в большую картину, типичную для среды и эпохи, ничуть не замедляя, скорее даже подчеркивая, стремительный драматический ритм повествования" (195). В создании напряженного драматического повествования, утверждает А. Упит, большая роль отводится живописным и ярким пейзажам, которые вплетаются Толстым в основную ткань повествования, трансформируя нужный психологический настрой читателя.

" Уже в первых произведениях высокого эпического стиля, — пишет далее А. Упит, — социалистический реализм обнаружил недоступную ни одному из преданий творческих методов монументальность сюжетного построения и композиционной спайки формируемого обильного материала, созданную умело вплетенными интимно-лирическими эпизодами, ярко освещающими бурно несущийся поток описаний и изображений" (196).

Многие черты эстетики монументальной эпической прозы социалистического реализма получили, по мнению А. Упита,

дальнейшее развитие в четырех книгах эпопеи Михаила Шолохова — "Тихий Дон". Сопоставляя далее два выдающихся произведения монументальной прозы ("Тихий Дон" и "Хождение по мукам"), латышский писатель помогает понять своеобразие шолоховской эпопеи и определить ее место в советской литературе, что невозможно без соотнесения ее с другими этапными произведениями советской литературы.⁴⁵⁾

"По месту действия и охвату исторических событий "Тихий Дон" более ограничен, чем "Хождение по мукам", но зато по размаху, по богатству, разнообразию и изменчивости приключений рассказ о гражданской войне на Дону значительно превосходит "Хождение по мукам", — утверждает А. Упит.⁴⁶⁾ Обе эпопеи затрагивают приблизительно одни и те же темы: революция, гражданская война, трагический разлом жизненных традиций, преобразования в сознании и психике людей. Однако, замечает А. Упит, "большие и всеобъемлющие батальные сцены в сочетании с похождениями четырех центральных персонажей не дали ему (А. Солстому — С.И.) возможности показать этот разлом и эти преобразования иначе, как — хоть яркими и типичными, — но все-таки только разбросанными живописными пятнами" (197). Сюжет "Тихого Дона" рассматриваемый в этом плане, А. Упит считает "более концентрированным, монолитным, глубоким поперечным сечением; он до самых основ вскрывает революционные потрясения и преобразования во всех решительно слоях казацкого населения" (198).

Приемы художественной типизации социалистического реализма использованы Шолоховым, по мнению А. Упита, "шире и

45) В. Гура, Ф. Абрамов, М. Шолохов. Семинарий. Учпедгиз, Л., 1962, стр. 98.

46) А. Упит. Литературно-критические статьи. Латгосиздат, Р., 1955, стр. 197. Далее стр. указываются в тексте.

разносторонней, чем у Толстого. В центре повествования — семья Мелеховых, их родственники и соседи по станице; представляют они те различные слои реакционного казачества, с которыми пришлось на жизнь и на смерть сразиться революционной армии и строителям новой жизни" (198). Столкновения революционных и враждебных сил, сам процесс их борьбы нашли свое отражение в судьбе Мелеховского рода.

И если Толстой, замечает А.Упит, избрал, опираясь на свой богатейший литературный опыт, для построения трилогии эффективные эпизоды и моменты психических переживаний, особенно выгодные для художественного изображения, то Шолохов — "проще, прямее, искренней, можно сказать — примитивней, но зато и ближе к этой самой действительности и жизни; его образы близки читателю, живы, почти физически ощутимы" (198). А.Упит восхищается умением Шолохова индивидуализировать своих героев, создавать непревзойденные типы в системе эпического повествования, передавая их своеобразие через поведение, жест, отличительную интонацию и речь героя.

Мастерство изобразительного стиля Шолохова А.Упит рассматривает в непосредственной преемственности традиций Льва Толстого и Гоголя, "без малейшего намека на какое бы то ни было подражание".

Однако в статье латышского писателя имеются, на наш взгляд, и спорные места. Так, например, А.Упит считает, что рядом "с неотразимой личностью Григория бledноватыми, неполно выявленными, недостаточно многосторонними и неясно очерченными выглядят активные большевики, революционные борцы и носители социалистической жизни (Штокман, Кошевой и др.)". Подобная точка зрения уже высказывалась к тому времени одним из обстоятельных исследователей творчества Шолохова И.Лажневым в ряде

статей ⁴⁷⁾, а также и в его монографии " Михаил Шолохов" ⁴⁸⁾ вышедшей в 1948 году. И. Лежнев, анализируя образы большевиков, считает, что они страдают художественной слабостью и неполноценностью. Михаил Кошевой представляется критику лишь второстепенным персонажем, играющим в романе служебную функцию. ⁴⁹⁾ К этому утверждению присоединяется и Е. Лукин. ⁵⁰⁾ Расценивая образ Михаила Кошевого как " относительную неудачу" Шолохова, он считает, что Кошевой не является фигурой большого масштаба, что она вполне могла бы нести гораздо большую идейную направленность. ⁵¹⁾

Можно, конечно, спорить, достаточно ли глубоко изображен Кошевой и другие большевики в эпопее, но было бы неверно требовать от Шолохова всестороннего их показа и обрисовки - тогда получился бы другой роман, где в центре стояла бы не фигура ищущего и мятущегося Григория, а волевого, стойкого большевика. Ведь и сам автор неоднократно подчеркивал, что писать ему вдвойне сложно, ибо он показывает не борьбу красных с белыми, а наоборот, - белых с красными. А. Упит, однако, замечает по этому поводу, что " историческая правда требует, чтобы в эпохальной эпопее предпочтение было отдано стороне побеждающей, вводящей новую жизнь" (200). Несмотря на трагический финал, оптимистическое звучание романа не ставилось под сомнение литературной критикой. Очевидно, относительно меньшая разрабо-

47) " Из темы о Шолохове" - "Звезда", 1947, № 10, стр. 189-198; " Шолохов и традиции" - "Новый мир", 1946, № 7-8, стр. 191-210.

48) М., " Сов. писатель", 1948.

49) И. Лежнев. Михаил Шолохов. М., "Сов. писатель", 1948, стр. 231.

50) Е. Лукин. Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк М., " Сов. писатель", 1952.

51) Там же, стр. 40.

танность образов большевиков по сравнению с Григорием Мелеховым и представителями враждебного Советам стана объясняется самой структурой романа, в центре которого поставлен именно запутавшийся в противоречиях человек.

Кроме того, принимая во внимание относительную эпизодичность образов Штокмана, Бунчука, Котлярова, нельзя не заметить и их большой впечатляющей силы, душевного здоровья, а стало быть, и неотъемлемой части идейной нагрузки, которую они несут в романе. А. Упит упрекает далее Шолохова в рыхлости стилистического потока, который "испещрен трещинами и разноцветными пятнами, ... из-за чего повествование теряет эпическую стремительность, возвышенные эмоции читателя (А. Упит приводит к примеру знаменитое "Как выжженная палами степь...") расплываются в неопределенном, тяжелом или игривом настроении, либо попросту в утомлении" (201). Обилие "сентиментально-лирических изображений природы, душевных переживаний, грустных или радостных размышлений", говоря словами А. Упита, вызвано не стремлением Шолохова к украшательству, а опять же большой смысловой нагрузкой, которая возложена писателем на каждое слово в ткани эпопеи.

Однако же Андрей Упит признает в заключении, что "никогда не будет создано литературное произведение, от которого больше нечего требовать; тем более, что в области искусства любое суждение и пожелание в большей или меньшей степени носит характер личный, субъективный." Монументальные реалистические эпопеи Толстого и Шолохова - эти сокровищницы, изобилующие материалом, эти величественные произведения реалистической социалистической прозы - лишь начало развития советской эпики. (202).

А. Упит первый в советском литературоведении провел столь конкретный сопоставительный анализ художественных

особенностей этих выдающихся произведений, чем наметил одну из насущнейших задач нашей критики.

Работа А.Упита "Монументальная форма социалистического реализма" имела большое теоретическое значение в частности для латышской советской литературы, в которой в эти годы заметно тяготение к форме большой эпической прозы (А.Упит, В.Лацис, А.Саксе).

Вся страна и прогрессивная мировая общественность отмечали в 1955 году пятидесятилетие Михаила Шолохова. Со статьями, приуроченными к этой юбилейной дате, выступили и латышские литераторы.

Оценивая тридцатилетний творческий путь Шолохова, В.Мелнис приводит высказывания о нем Серафимовича, Горького, английского критика Милтона Хиндуса, американского ученого Лондона. "В дни II съезда советских писателей, пожалуй, не было ни одного зарубежного представителя прогрессивной литературы, который, говоря о международном влиянии советской литературы, не назвал бы имя Шолохова" - пишет В.Мелнис.⁵²⁾ Романы Шолохова, продолжает далее критик, с помощью огромной силы художественного обобщения "помогают ориентироваться в сложном ходе современных событий, освещают путь и определяют позиции в ожесточенной борьбе за будущее человечества". Шолохов явился, по справедливому утверждению В.Мелниса, достойным продолжателем горьковских традиций и всего лучшего, что появилось в литературе конца 20-х годов в борьбе с поэзией анархической стихии, изображением народа как безликой массы или стремлением украсить романтическим ореолом отдельного героя. Книги Серафимовича, Фурманова, Фа-

52) V. Melnis. Dzīves patiesības meistars. - "Karogs", 1955 Nr. 5., 101.-106.lpp.

деева того времени были магистральным направлением в советской литературе, пишет В.Мелнис. К ним присоединились и произведения молодого Шолохова. Критик оста- навливается подробно на характеристике творческого пути Шолохова; дает верную оценку "Донских рассказов":

"Выступая против живой поэтизации, Шолохов в своих рассказах показывает события гражданской войны во всей их суровости",⁵³⁾ не закрывая глаза на встречающиеся элементы натурализма, некоторый схематизм и вульгаризмы в языке. "Донские рассказы" В.Мелнис расценивает как многообещающую прелюдию к его большим романам. Многое в оценке В.Мелниса совпадает с мнением общесоюзной литературной критики о "Тихом Доне", "Поднятой целине", о продолжении классических традиций русской литературы, на что уже указывал и А.Упит. Новаторство Шолохова, по мнению В.Мелниса, заключается в том, что он изображает переломные моменты в истории народа на фоне малоизвестного материала — жизни казаков, во всей ее противоречивой сложности. "Правдивость в показе человеческих характеров и исторических процессов — характернейшая черта творчества Шолохова", — добавляет В. Мелнис. Это подтверждает критик примерами (Григорий, Аксинья), считая, что так же рельефно, по-мастерски выписаны и образы убежденных белогвардейцев Каледина, Листницкого, Коршунова.

С точки зрения современного шолоховедения В.Мелнис правильно оценивает идейный смысл образа Григория Мелехова. Никаким образом, — пишет критик, — нельзя его подвести под привычные — "положительную" или "отрицательную" категории героев. Говоря объективно, перед нами не-

53) Там же, стр. 101.

гативный тип участника казачьего восстания и один из его руководителей, который до последнего момента не может найти свое истинное место в борьбе между силами революции и контрреволюции. И все же Григорий волнует читателя больше, чем иной хорошо "сделанный по схеме" положительный герой". Это происходит потому, справедливо замечает критик, что Шолохов позволяет смело заглянуть во внутреннюю суть человека, ощутить его пульс.

Много сломано копий критиками в спорах о Григории Мелехове. Эти дискуссии, возникнув еще перед войной, практически никогда не прекращались. На конференции, посвященной 65-летию Михаила Шолохова, состоявшейся в мае 1970 года, выступавшие вновь касались того же вопроса: почему Григорий - ищущий и не находящий, неистовый и безнадежно усталый в своих поисках - до сих пор волнует читателя, хотя со времени его "рождения" прошло более сорока лет? Характерно, что ответ был дан критиками и литературоведами страны в том же плане, в каком сумел взглянуть на Григория латышский критик еще в 1955 году.

В оценке образов большевиков эпопеи В.Мелнис присоединяется к мнению Андрея Упита, считая их недостаточно выразительными.

Интересна попытка В. Мелниса сделать (впервые в латышском послевоенном литературоведении) сравнительный анализ романов "Тихий Дон" и "Поднятая целина": В "Тихом Доне" писатель показал победу нового в вооруженных столкновениях, в "Поднятой целине" - строительство новой жизни. В "Тихом Доне" широким планом изображены колеблющиеся или открыто враждебные силы, образы большевиков остались на втором плане. В "Поднятой целине" в центре внимания поставлены именно образы большевиков". Основной мотив "Тихого Дона", продолжает В.Мелнис далее, трагедия мятущегося Григория; главный же пафос "Поднятой целины" - в

торжестве дела коммуниста Давыдова. Однако, по мнению критика, романы имеют и много общего. "Поднятую целину" он рассматривает как логическое завершение революции и социалистических преобразований на Дону. Кроме того, оценивая второй роман Шолохова, В.Меднис отмечает художественное мастерство в создании персонажей, общность эстетических принципов как в "Тихом Доне", так и в "Поднятой целине".⁵⁴⁾

В острой борьбе сталкиваются в романах Шолохова "не абстрактные схемы, а живые люди, поэтому они воздействуют на читателя со всей убедительностью и неотразимостью жизненной силы".

Заканчивая статью, В.Меднис называет Шолохова "глубоким психологом, удивительным мастером портрета, пейзажа и языка, непревзойденным изобразителем характеров огромной обобщающей силы."

Вторично за первое послевоенное десятилетие выступил со статьей о Михаиле Шолохове латышский писатель Ян Грант.⁵⁵⁾

Если ранее он касался романа "Поднятая целина", то в статье, приуроченной к 50-летию Шолохова, Ян Грант стремится охарактеризовать все творчество писателя и дает ему высокую оценку. "Художественным приемам и литературной технике у Шолохова учились и учатся многие литераторы, пишет Ян Грант. Особенно писатели младшего поколения, на которых его искусство оказало плодотворное воздействие."

Ян Грант подчеркивает, что это влияние является опосредованным, "здесь не идет речь о подражании или эгигономстве как таковых". Воздействие, по мнению Я.Гранта,

54) Там же, стр. 106.

55) J.Grants. *Iscila vārda mākslinieka piecdesmit gadi.*
-"Literatūra un Māksla", 1955., 20.maijā.

идет путем использования в литературной работе по-шолоховски выразительных художественных средств, их творческого освоения для создания по-шолоховски сильных характеров и обстоятельств, верных жизненной правде.

Особое место среди материалов, посвященных 50-летию юбилею писателя, занимает статья известного латышского литературоведа и критика Эвалда Сокола - автора многочисленных статей по теории, истории литературы и проблемам социалистического реализма⁵⁶⁾. В статье говорится о чудодейственной силе мастерства Шолохова, вкладывающего в каждое произведение "горение своего сердца", о высокой партийности писателя и чувстве ответственности перед народом. Статья Э.Сокола как бы обобщает все то, что писалось о Шолохове в латышской критике в те годы: дается подробная характеристика "Донских рассказов", "Тихого Дона", "Поднятой целины", публицистики Шолохова. Однако ценность статьи Э.Сокола в другом. Говоря о том, что "шолоховская традиция - одна из самых глубоких", и что шолоховское творчество влияло "не только на русскую и на многонациональную советскую литературу", латышский критик считает, что революционная литература буржуазной Латвии в особенности литература Советской Латвии испытали и испытывают на себе воздействие шолоховской традиции.

"Наряду с книгами Горького, Маяковского, Гладкова, Серафимовича, Островского и других русских советских писателей книги Шолохова вдохновляли и указывали путь прогрессивным писателям фашистской Латвии, где советская литература была запрещена".

Рассматривая творчество Шолохова как классический пример воплощения крестьянской и колхозной тематики в

56) E. Sokols. - Mihaila Šolehova 50 gadi. - "Cīņa", 1955., 24. maijā.

советской литературе, Э.Сокол утверждает, хотя и не показывает на конкретных примерах, что " все наши писатели следовали этому выдающемуся новаторскому образцу, конечно, не копируя его, но учась у него партийному подходу к действительности и отбору фактов в создании положительных типов большой действенной силы."

Присоединяясь к Андрею Улиту, критик считает, что работа Шолохова над второй книгой " Поднятой целины" может служить убедительным примером латышским литераторам, которые " довольно хорошо отразили процесс коллективизации в латышской деревне, но далее этого не пошли. О том, как работают колхозники, с какими трудностями они встречаются и как их преодолевают, о колхозной жизни сегодня и глубинных ее процессах у нас до сих пор еще нет ни одного значительного произведения".

Таким образом, в 50-е годы в литературной критике Советской Латвии налицо более глубокий подход к анализу произведений Шолохова, начатая Андреем Улитом научная и георетическая разработка проблемы большой эпической формы, продолжена была в работах В.Мелниса, Я.Гранта, Э.Сокола, в которых творчество Шолохова оценивается как новаторское в развитии советской литературы.

В связи с выходом второй книги " Поднятой целины" и с присуждением Михаилу Шолохову Ленинской премии в 1960 году газета " Падомью Яунатне" писала: " Творчество Шолохова как течение могучего потока, и никогда нельзя сказать наперед, какое богатство скрыто в нем, какой вдруг водоворот человеческих страстей может прервать размеренное эпическое течение произведения. Нет, это течение никогда не бывает однообразным. ⁵⁷⁾

57) E.Lejietis, Mihails Šolohova: (Leninga prēmijas laureāti). - "Padomju Jaunatne", 1960., 15.maijā.

Теплый лиризм и драматизм в книгах Шолохова органически переплетается с легким комизмом, временами даже будто грубоватыми выражениями. Читаешь книги Шолохова, кажется, что звучит прекрасная музыка, почти физически ощущает читатель горький запах степной полыни, настолько отшлифованы в них каждый аккорд, каждое слово".

В 1961 году выходит первое издание обеих книг "Поднятой целины" на латышском языке в переводе В.Мелниса, о которой сам переводчик, продолжал начатый им еще в 1955 году разговор о Шолохове, теперь уже на страницах информативного буклета "Новые книги" ⁵⁸⁾. К сожалению, автор ничего не говорит о своей работе над переводом романа, однако высоко оценивает вторую книгу романа, где "меньше внешних событий, зато сила изображения внутреннего мира достигает такой глубины, равноценную которой трудно сыскать во всей мировой литературе".

Первая половина 60-х годов характерна тем, что в печати республики довольно часто появляются заметки, сообщения о Шолохове, отзывы о нем, приводимые в советной и зарубежной периодике. Латышский читатель получает тем самым возможность находится в курсе событий, касающихся жизни и деятельности советского писателя. ⁵⁹⁾

58) V. Melnis, Mihails Šolohovs: "Plēsums", - "Jaunās grāmatas", 1961., Nr. 11. 20.-22. lpp.

59) "Klusās Donas" manuskripti, - "Karogs", 1961. Nr. 6., 152. lpp. Makleeds Viljams. Telstejs un Šolohovs Jaunzēlandē. - "Padomju Jaunatne", 1962., 31. jūlijā, V. Grišņajeva. Šolohovs lasa Šolohovu. No gr. "Mūsu Šolohovs" - "Cīņa", 1963., 14. apr. Marti Larni. Nodēja pie Šolohova. No "Известия". - "Cīņa", 1963., 28. aug. M. Šolohova Dāvana. - "Padomju Jaunatne", 1963., 16. okt. H. Franterija ar Šolohovu varenī, - "Rīgas Balss", 1963., 5. jūlijā, Ilēšs Beila. Jauneklis ar manuskriptu. Grām. Tautas kalendārs, R., 1963., 256. lpp. 257. lpp. Marti Larni. Tērzēģēt ar Šolohovu. - "Cīņa", 1964., 27. maijā. M. Šolohovs Berlinā. - "Cīņa", 1964., 27. maijā. M. Šolohovs da ciemiņus. "Cīņa", 1964., 11. jūnijā. Šolohova darbi Dienvidslāvijā. - "Literatūra un Māksla", 1964., 25. janv. Viens pie Šolohova. - "Literatūra un Māksla", 1954., 25. jūn. Даље смотри приложеније 2 I.

Сколько-нибудь заметные научные, теоретические материалы о Шолохове в эти годы отсутствуют. Однако новое слово о нем говорит педагогическая наука Советской Латвии.

Учащиеся Ю-II классов латышских школ изучали творчество Михаила Шолохова по учебнику "Русская советская литература" под редакцией Л. Тимофеева.⁶⁰⁾ Его отдельные главы были посвящены романам "Тихий Дон", "Поднятая целина", жизни и творческому пути писателя. В 1963 году заведующий учебной частью Руцавской средней школы Р. Каркис выступает на страницах газеты "Сколотаю Авизе" со статьей "Повторя творчество М. Шолохова,"⁶¹⁾ в которой ставит вопрос о сопоставительном подходе в методике изучения шолоховского творчества в латышской школе. Основываясь на тематической близости, он предлагает рассматривать параллельно "Поднятую целину" и "В гору" А. Саксе. Это, по мнению автора, повысит эффект усвояемости материала, углубит и расширит знания учащихся. Перед ними ставится задача найти сходные моменты в построении композиции обеих книг. Возвращение Озола домой и приезд в Гремячий Давыдова и Половцева. Этот прием дает ученикам, справедливо замечает автор, возможность понять основное положение социалистического реализма - показывать жизнь в непрерывной борьбе противоречий. С помощью эпидиаскопа демонстрируются рисунки из романа А. Саксе "В гору" и находятся в картотеке из произведения Шолохова аналогичные тексты или характеризуют близкие приемы в обрисовке героев в обоих романах. Затем исследуются отличительные особенности

60) L. Timofejeva: Krievu literatūra. Māc. gr. vidusskolām 10.-11.kl., R., 1954., 253.-269.lpp.

61) R. Karkis. Atkārtējat M. Šolehova daiļradi. - "Skoletāju avīze", 1963., 8.maijā.

писанном В.Вавере (период 1900-1965 годы) собраны сведения о переводах русских и советских писателей на латышский язык, а также высказывания о них некоторых латышских писателей и критиков (А.Уцита, Я.Гранта, Ю.Ванига, В.Мелниса, В. Каупуж и др.) Там имеются также материалы, свидетельствующие о степени знакомства латышского читателя с произведениями Михаила Шолохова, чуть позже они были опубликованы в журнале "Карогс" ⁶⁶⁾ и частично в газете " Советская Латвия" ⁶⁷⁾.

Авторы книги, которая остается и по сей день одним из наиболее полных исследований проблемы взаимосвязей латышской и русской литературы, не ставили себе целью изучить внутренние закономерности взаимодействия двух литератур. В силу чего они лишь обобщили и систематизировали факты близости латышской и русской литературы, которые накопились в течение последнего столетия.

Поэтому в книге почти не затронуты вопросы идейно-эстетических потоков, которые вызывались обеими литературами, заставляя их взаимодействовать. Эти вопросы еще предстоит разрабатывать.

В общесоюзной печати в последние годы публиковалось большое количество статей, материалов и сообщений о Шолохове в связи с присуждением ему Нобелевской премии, звания Героя Социалистического Труда, Почетного доктора Лейпцигского университета и награждением почетным призом " Золотой колос" Польской Народной республики. Часть из них переводится на латышский язык, ⁶⁸⁾ что, безусловно,

67) В.Вавере. Либимый писатель. "Сов.Латвия", 1965, 23 мая.

68) M. Šolohova - Nobela prēmijas laureāts. - "Karogs", 1966., Nr.1, 175.lpp. Šolohova - Leipciģas universitātē goda doktors. - "Karogs", 1966., Nr.3, 180.lpp. Saruna ar Šolohovu, - "Karogs", 1966., Nr.10., 172.-173.lpp. V. Fīsovs. Dzīves. Atdzej. B. Lejietis. - "Liesma", 1967. Nr.6., 18.lpp. "Zelta vārpa" Mihailam Šolohovam, - "Cīņa" 1967., 13.janv. Padomju rakstnieki - Sociālistiskā Partija Varoņi - "Cīņa", 1967., 24.marta, "Zelta vārpa" man divkārt dārga - "Literatūra un Māksla", 1967., 28.janv R. Filipevskis. Jauno rakstnieku tikšanās ar M. Šolohovu. - "Literatūra un Māksla", 1969., 5.jūl. P. Jaščenko "Tuvība ar tautu vienmēr dara bagātāku". - "Lit. un Māksl. sled. str.

имеет для читателей Латвии большое познавательное значение. Так например, в журналах "Карогс" и "Лиезма", в газетах "Циня", "Литература ун Максла", "Ригас Балсс" и других печатались статьи М.Ильина, М. Андриасова, И.Яценко, Р. Филиповского, перевод стихотворения В. Фирсова "Журавли", посвященного Михаилу Шолохову и другие материалы.

В одной из своих статей В.Вавере упрекала латышскую критику и литературоведение за то, что они "довольно мало и робко участвуют в оценке мирового литературного процесса.⁶⁹⁾ Однако 1969 год ознаменовался появлением двух выдающихся, на наш взгляд, работ. Речь идет о книгах К.Краулиня "Современный советский роман"⁷⁰⁾ и В. Мелниса "Литература и познание жизни"⁷¹⁾ Оба автора делают удачную попытку рассмотрения некоторых тенденций современной латышской литературы на фоне развития всей советской литературы. К.Краулинь латышский писатель, литературовед и критик, автор многочисленных статей по вопросам теории социалистического реализма, активнейший популяризатор национальных литератур нашей страны среди латышского читателя.

Диалектический подход с позиций современной эстетики к решению сложнейших вопросов литературы - жанра, формы, стиля и других средств художественной выразительности позволяет К.Краулиню по-новому взглянуть и на разнообразие содержания, тем и образов, произведений социалистического искусства, в частности, советского романа наших дней.

69) "Karogs", 1966., 11. jūn. M. Andriassova. Pasaules rakstnieki par Šolehevu. - "Rīgas Balss", 1966., 28. sept. M. Iljins. Šolehevs Veškes. - "Rīgas Balss", 1966., 3. sept.

69) "Karogs", 1965, Nr. 5, 143. lpp.

70) K. Krauliņš, Mūsdienu padomju romāns. Dažas problēmas. Izd. "Liesma", 1969., R., 232. lpp.

71) V. Melnis, Literatūra un dzīves izpēte. Literatūrkritiskas un publicistiskas pārdomas. Izd. "Liesma", R., 269. lpp.

Те успехи, которых добился современный советский роман, немислимы, по утверждению автора, без учета связей с прошлым. " ... Классический советский роман, — пишет К.Краулинь, — начиная с " Чапаева" Д.Фурманова, "Разгром" А.Фадеева, "Тихого Дона" и " Поднятой целины" М.Шолохова, " Хождения по мукам" А. Толстого и " Цемент" Ф.Гладкова, а в латышской советской романистике "Земли зеленой" и " Просвета в тучах" А.Упита, искусно отобразил не только гигантские общественные процессы, но и очень тонкую, сложную диалектику индивидуальной души, сильно показал не только эпоху и движение масс, но и судьбу отдельного человека в ходе народной борьбы, смело решал проблемы новой, коммунистической морали".⁷²⁾

Горький, Толстой, Шолохов, Ауэзов, Упит, изображая грандиозные классовые бои, в то же время глубоко интересуются индивидуальной судьбой героя. Более слабым писателем трудно сочетать и одно, и другое. Отсюда возникает, пишет К.Краулинь, " однобокость" романа на рубеже 40-50 годов, когда писатели, увлекаясь изображением производственных процессов, оставляли без внимания психологическую и личную стороны жизни героя. Против такого одностороннего подхода резко выступили писатели середины 50-х годов, заострившие внимание как раз на изображении психологических процессов и конфликтов, ими вызванных. Особенности современного романа автор видит в том, что он, хоть и не является столь всеобъемлющим, как классический, однако концентрирует внимание на отдельных сторонах нашей действительности, разрабатывая их порой глубже, в художественном отношении своеобразней, интереснее, чем классический, и тем самым определя-

72) К.Краулинь. Mūsdienu padomju romāns. 18.lpp.

ет путь к новому социально-психологическому роману. Именно в разновидностях последнего и идет разговор о книге " Современный советский роман", К.Крауляня на примере значительных произведений 50-60-х годов писателей России (М.Шолохова, Л.Леонова, О.Берггольц, Г.Николаевой, Д. Гранина, В. Аксенова, С. Зальгина, А.Калинина); Латвии (Д.Зигмонте, Э.Скуиня, И.Индране, А.Бела, Э.Лива, Ф. Тауринэ), Эстонии (А.Хинта, Р.Сирге, П.Куусберга) и Литвы (А.Беляускаса, М. Слукциса).

Серьезное внимание уделяет К.Краулянь рассказу Михаила Шолохова " Судьба человека", считая его основополагающим в создании целого ряда произведений, повествующих о трагических событиях последней войны и повседневном подвиге простого солдата. Об этом же скажет и сам Шолохов, как о начале " большого разговора о большой войне"⁷³⁾ Потом появятся повести Г.Бакланова ("Девять дней" и "Пядь земли"), Ю. Бондарева ("Последние залпы") закончат свои романы и К. Симонов (" Живые и мертвые" и " Солдатами не рождаются"). Помимо этого, К.Краулянь считает, что есть еще один существенный довод, позволяющий считать рассказ Шолохова началом пути к современному роману, это углубленное толкование понятий патриотизма, гуманизма и стойкости советского человека перед лицом страдания через индивидуальную трагическую судьбу Андрея Соколова. Это же качество, справедливо утверждает автор вслед за шолоховедцами Л. Якименко, А.Макаровым, М.Кузнецовым, проявится и во II-й части романа " Поднятая целина", где налицо внимание писателя-коммуниста Шолохова, а отсюда и коммуниста Давыдова, к отдельному человеку, к его нуждам, " Человек, его ценность, уважение к нему, человеческое достоинство - это те вопросы, которые

73) История русского советского романа. Кн. II, М.-Л,

1965, стр.198

74) К.Краулянь. Mūsdienišu padomju romāns, 55.lpp.

все яснее и упорнее заявляют о себе о современном советском романе и определяют его идейную и моральную атмосферу.⁷⁴⁾ Проследившая далее развитие латышской и других литератур нашей страны в 60-е годы, К.Краулинь считает, что латышские писатели также уделяют большое внимание роману характеров или психологическому роману, где вместо широких социальных конфликтов начинают доминировать индивидуальные конфликты характеров, проблемы ценности человеческой жизни, поиски места и назначения в ней каждого, коммунистической морали и т.п.⁷⁵⁾ В частности заключены свойства, закономерности и судьбы целого, " ... на этом основывается закон типизации образа. Опираясь на этот принцип, классики социалистического реализма своими типическими образами - борцов революции, строителей социализма, героев Отечественной войны учили понимать закономерности истории, необходимость рождения и пути развития советского общества.⁷⁶⁾

Цавел Власов и Ниловна, Чанаев, Григорий Мелехов и Семен Давыдов, Глеб Чумалов, Молодогвардейцы, Павка Корчагин, Алексей Мересьев, Янис Лидумс и многие другие образы, созданные советскими писателями, убедительно свидетельствуют об огромной роли, которую играет принцип типизации в литературном процессе, особенно в исследовании тенденций развития современной литературы.

В книге К.Краулиня впервые за последние годы латышский роман рассматривается в непосредственной близости с творчеством Михаила Шолохова, оказавшего самое непосредственное влияние на развитие современной литературы.

⁷⁵⁾ Там же, стр. 76.

⁷⁶⁾ К.Краулинь. Mūsdienu padomju romāns, 177.lpp.

Одновременно с книгой К. Краулина в Латвийском издательстве "Лиесма" вышла работа другого латышского советского критика В. Мелниса "Литература и познание жизни". В нее включены появившиеся в периодике статьи и рецензии критика о произведениях последнего десятилетия.

Самой существенной, самой неотъемлемой чертой настоящего искусства была жажда выяснить отношение человека к окружающей действительности. "Поэтому можем сказать, — пишет В. Мелнис, — что каждый выдающийся герой каждого выдающегося литературного произведения в каждую историческую эпоху стремится разгадать вечную тайну индивида и общественной среды. В том или ином виде это пытались делать Дон-Кихот, Гамлет, Фауст, Печорин и Онегин, Пьер Безухов, братья Карамазовы, Григорий Мелехов, а также наиболее яркие драматические образы Райниса и лирический герой его поэзии". Исходя из того, что в наши дни сильно возросла историческая активность человека и моральная ответственность каждого за судьбы человечества, В. Мелнис делает предметом исследования именно эту проблему.

Его книга — грозное оружие против современного мещанства, пошлости, малодушия. Так же, как и К. Краулин, автор основывается на материале литературных произведений последних лет.

Критик справедливо сетует не то, что во многих произведениях последних лет наблюдается молчание, "сплозание тематики", появляется литературный штамп, шаблонный подход к решению жизненных проблем. Все это вызывается "привычкой к удобному способному мышлению, а также художественной нетребовательностью".

Автор противопоставляет им произведения, в которых наша жизнь изображается многогранной, во всей остроте психологических противоречий. В. Мелнис имеет в виду

" Битву в пути" Г.Николаевой, "Искатели" и " После свадьбы" Г.Гранина, " Войдя в каждый дом" Ю.Мальцева. И примечательно, пишет далее критик, что очень современное звучание приобрели такие произведения, которые освещали события уже прошедшего. К ним В.Мелнис относит "Поднятую целину" (П кн.) Шолохова, " У Иртыша" С. Залыгина, а также книги с углубленной разработкой темы Отечественной войны К.Симонова, В. Бондарева, Г.Бакланова, В.Быкова). Однако В.Мелнис считает, что большинство современных произведений, в которых решается тема коллективизации, не достигают уровня как шолоховского романа "Поднятая целина", так и " В гору" А.Саксе, где изображен ее начальный период. Сравнивая оба романа, критик справедливо утверждает, что здесь, с одной стороны, показаны острейшие противоречия, а с другой, — они очень ясно определены, верно социально и психологически очерчены демаркационными линиями. И у Шолохова и Саксе разносторонне изображаются конкретные обстоятельства, но это нигде не становится помехой. Как и в "Поднятой целине", читатель в романе "В гору" встречается со многими эпизодами борьбы за экономическое и политическое преобразование жизни. В то же самое время писательница с тактом истинного художника сумела соблюсти грань, которая всегда имеется между художественным произведением и обнаженной, не входящей органически в него, публицистикой, декларативностью.⁷⁷⁾ К сожалению, заключает автор, о появившихся в последние годы произведениях ("Шапка с каштанами" И.Индране, " Что произошло с Андресом Лаптеусом" Р. Куусберга, " Старая ведьма" Е.Пермяка, "Покитовому пути" Г. Приеде и др.) этого сказать нельзя.⁷⁸⁾

77) V.Melnie. Literatūra un dzīves ispēte. 200.lpp.

78) Там же, стр.46-62.

На протяжении всей книги В.Меднис ориентирует читателя, да и литераторов, на шолоховское умение создавать типы, видеть и отражать тончайшие движения человеческой души, острейшие психологические и политические моменты, на решительную смелость Шолохова, не уходя от темы, поднимать и решать актуальнейшие проблемы времени.

Помимо этого, ценность книги В.Медниса заключается еще и в том, что он рассматривает произведения, созданные литераторами разных республик нашей страны, с точки зрения их тематической, сюжетной, композиционной близости, видя в них также и существенные различия, объясняемые не только и не столько национальной спецификой, сколько талантичностью авторов, степенью знания ими действительности, владением словом и т.п.

Естественно, что более подробному анализу подвергнуты книги латышских писателей. Сопоставляя их с произведениями других литератур последнего десятилетия, В.Меднис помогает заметить слабые стороны современной латышской прозы и найти пути к созданию произведений, решающих кардинальные, жизненно-важные проблемы.

Как видно из вышесказанного в последние годы заметно прослеживается стремление латышских критиков и литературоведов выйти за рамки республики и активно участвовать в оценке произведений других национальных литератур, выравнивая их с латышской литературой. Это способствует росту идейного и художественного мастерства писателей Советской Латвии.

Существенно новой здесь является попытка сопоставления произведений писателей республики с произведениями Шолохова.

Стремительные события 1940 года открыли широкий путь для братского сотрудничества двух народов — русского и латышского. Осознание исторического пути и единой цели способствовали возникновению общих идейно-эстетических принципов, заставили перекликаться две литературы в русле идейно-художественной проблематики.

Значение романов Шолохова на творческом пути латышских писателей, для становления литературоведения и критики было велико не только в первые годы после восстановления в Латвии Советской власти. Открывшиеся перспективы в условиях социалистического строя, новые задачи, вставшие перед ними, во многом сходные с теми, которые решал Шолохов, поднимая целину невиданного в истории всестороннего преобразования жизни, вызывали потребность снова обращаться к его романам — теперь уже и как к высокой школе художественного мастерства.

ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЛАТЫШСКОЙ КРИТИКЕ 60-х ГОДОВ
XIX ВЕКА

Внимание латышских критиков в 60-е годы концентрируется в основном вокруг творчества А.С.Пушкина, И.С.Тургенева. Последний пользовался особенной популярностью в Латвии в тот период.

Появление многих критических материалов о русских писателях, в особенности в начале рассматриваемого десятилетия, связано с рядом событий в культурной жизни России, получивших широкое освещение в латышской прессе. Прежде всего, это открытие памятника А.С.Пушкину в Москве, 50-летие со дня его смерти, болезнь и смерть И.С.Тургенева.

Содержание данных материалов в ряде случаев свидетельствует о довольно частом использовании латышской прессой русских официальных источников.

Однако прежде всего обращает на себя внимание, что восприятие русской литературы в латышской критике в конце XIX века шло в тесной связи с развитием собственно латышского историко-литературного процесса. Как показывает конкретный анализ материала, осмысление творчества русских писателей в латышской критике в тот период было всецело подчинено конкретным задачам и целям, которые выдвигались в ходе развития теории и практики латышского художественного творчества.

Поэтому автор статьи считает нужным уделить основное внимание данному аспекту исследуемой проблемы, в связи с чем представляется необходимым коротко остановиться на основных моментах историко-литературного развития Латвии, определяющих его своеобразие в рассматриваемый период и существенно повлиявших на процесс восприятия русской литературы.

60-е годы - период сравнительно хорошо изученный в ла-

тышском советском литературоведении. Существует целый ряд научных трудов, посвященных исследованию историко-литературной ситуации, сложившейся в это десятилетие.

Прежде всего следует назвать Андрея Упита "Latviešu literatūra" (1951.g.), "Latviešu literatūras vēsture", III sējums (1956.g.), А.Григулиса "Latviešu literatūras kritika", ievadi I. krājumā (1956.g.), Э.Кюпе "Latviešu literatūras kritika 19.gs. otrajā pusē" (1962.g.), В.А.Вавере и Г.М.Мацкова "Латышско-русские литературные связи" (1965 г.) и других; с учетом которых автором данной статьи были рассмотрены некоторые проблемы восприятия русской литературы в Латвии в указанный период.

Одним из основных факторов литературного развития Латвии II-й половины XIX века явилась борьба латышской литературы за пробуждение национального самосознания; в связи с чем проблема развития национальной литературы приобретает в Латвии принципиально важное значение.

Становление и развитие латышской литературы сопровождалось проявлением исключительного интереса к устному народному творчеству. Являясь одной из основных проблем литературы вообще, проблема фольклора становится чрезвычайно существенной для литератур, формирование которых совпадает с пробуждением национального самосознания.

Борьба за национальную литературу в Латвии была успешно начата младолатышами в 50-60-е годы XIX века.

Их ориентация в литературном развитии на богатые образцы устного народного творчества сопровождалась стремлением преодолеть национальную ограниченность, широко используя достижения культуры других народов.¹⁾

¹⁾ См. В.А.Вавере, Г.М.Мацков. Латышско-русские литературные связи. Р., "Зинатне", 1965. См. также: О характере младолатышского движения. - "Коммунист Советской Латвии", 1960, I.

Проблема развития национальной литературы продолжает оставаться актуальной для Латвии и в последующие 80-е годы. Однако под влиянием конкретных исторических условий она становится центром разгоревшейся внутри самой нации борьбы двух культур.

В результате бурного развития капитализма в Латвии, обостряются классовые противоречия, растет нищета и безработица, углубляется социальное неравенство, что порождает глубокое недовольство народных масс.

Напуганная массовыми выступлениями крестьянства, революционной ситуацией 1879-1881 гг. латышская буржуазия становится все более реакционной и вступает на путь проведения националистической политики.²⁾ Ей противостоят растущее рабочее движение, под влиянием которого крепнут силы оппозиционной латышской интеллигенции.

Усиливающаяся идеологическая борьба, обусловленная социально-экономическим развитием Латвии, разделила латышскую литературу и критику на два враждебных лагеря.

"С одной стороны, это писатели и критики, требующие реального изображения действительности, подлинной народности искусства, с другой - отмежевавшиеся от народа деятели национальной буржуазии, представляющие так называемый "псевдонародный" романтизм".³⁾

Псевдонародные романтики, стремившиеся к "самостоятельному" развитию латышской литературы, искали опору прежде всего в национальных традициях, которые были представлены в Латвии устным народным творчеством.

При этом отношение к фольклору, по сравнению с предыдущим периодом владолатышей (50-60-е гг.), коренным образом изменилось. Использование латышского фольклора сводилось псевдонародными романтиками преимущественно к многочисленным попыткам "имитации" (*atdarinājumi*) творений устного народного твор-

1) См. "История Латвийской ССР", т. II., изд. АН ДСРР, Р., 1954.

2) В. А. Вавере, Г. М. Мацков. Латышско-русские литературные связи. Р., "Зинатне", 1965., стр. 57-58.

чества, которые рассматривались ими, как единственно возможный путь развития национальной литературы на данном этапе.

Если мотивы и сюжеты народного поэтического творчества в литературе периода младолатышей использовались в основном для выражения и обоснования передовых общественных идеалов, то "имитация" произведений латышского фольклора неизбежно приводила к идеализации прошлого, к отказу от постановки каких-либо актуальных проблем и вопросов, что в свою очередь вызывало тематическую, идейную и национальную ограниченность.

Идеализация патриархальной старины, яркие картины которой с избытком черпались из старинных легенд, преданий и сказок, в большой мере способствовала националистической политике латышской реакционной буржуазии, которая стремилась отвлечь народные массы от революционной борьбы.

В начале 80-х годов, в связи с попытками создания псевдонародными романтиками народного эпоса, началась затанувшая на целое десятилетие полемика, имевшая большое принципиальное значение для развития молодой латышской литературы.

Основные возражения против "имитации" творений устной народной поэзии в литературе принадлежали первым латышским писателям-реалистам М.Каудзите и Аписишу Екабу, литературному критику Теодору Зейферту. Их поддержали петербургские корреспонденты - студент Звигулис и неизвестный автор, выступивший под псевдонимом Акот. Знаменательно, что в их статьях впервые прозвучали требования реализма в латышской литературе.

Большие заслуги в дальнейшей разработке основных теоретических принципов латышской реалистической критики принадлежали прогрессивной газете "Диенас Лапа", также активно участвовавшей в полемике.

Таким образом, латышская прогрессивная критика, выступившая с позиций отрицания искусства псевдонародных романтиков, поддержала появившиеся в латышской литературе еще стихийные стремления к реалистическому изображению действительности.⁴⁾

Использование в литературе элементов народной поэзии по существу уже с самого начала не оспаривалось латышскими прогрессивными критиками.

1) См. Latviešu literatūras kritika. I. sēj. R., LVI, 1956., 80.-83.lpp. E.Kņope. Latviešu literatūras kritika 19.gs. otrajā pusē. R., IPŠR ZA izd., 1962., 73.-106.lpp.

рессивными критиками. Напротив, будучи глубоко убежденными, что "естественная красота народных песен не может быть дана песням искусства"⁵⁾, критика в то же время рассматривала устное народное творчество, как источник, из которого следует "черпать чистый, ясный, неиспорченный язык..."⁶⁾

Суть полемических выступлений латышской прогрессивной критики сводилась таким образом не к отказу от использования богатств поэтических средств фольклора, как это представляли их противники - теоретики псевдонародного романтизма, а к неприятию самой сущности искусства романтиков типа Лаутенбаха-Деминя, которая особенно ярко проявилась в попытках романтиков создать латышский эпос.

Сознавая, что творцом эпоса мог быть только сам народ, находившийся на определенной ступени своего развития, прогрессивная критика рассматривала желание создать эпос в современную эпоху как стремление не только бесплодное, но и явно реакционное.

"...Но мечтания о прошлом кончились, и если кто-либо еще видит её(литературу - И.Б.) прошлого в ореоле святости, то пусть найдет в себе смелость признать, что это всего лишь мечта. В противном случае настоящая действительность разбудит его твердой рукой... и он станет чужим в тех обстоятельствах, в которых вынужден жить..."

...Другие времена, другие мысли, другая поэзия! И те современные песенники, кто посвящают свои сочинения богам своего ли народа или древнегреческими, те не научились у древних художников самому главному, а именно - придавать плоть и форму современным идеям, развивая их дальше, и таким образом

5) "Balss", 1880., Nr.73., 17.dec.pielikums.

6) "Austrums", 1886., 460.lpp.

содействовать дальнейшему просвещению своего народа", 7) - писал видный латышский критик Теодор Зейферт.

Пolemика показала, что стремление к национальной самобытности в развитии литературы, основывавшееся преимущественно на национальных традициях, которые были представлены в Латвии исключительно фольклором, и выразившееся прежде всего в попытках "имитации" поэтических произведений устного народного творчества, в конкретных исторических условиях бурно развивающегося капитализма становилось тормозом на пути развития национальной культуры.

"...Но абсурдно поступают те, - писала в 1887 году "Дие нас Лапа", - кто один за другим восхваляют богов ради самих богов, ... они таким образом грешат дважды: против духа времени и против истории:"⁸⁾

В противоположность узким националистическим взглядам псевдонародных романтиков, прогрессивная критика выдвинула свое понимание идеалов современной литературы: "... только те идеалы могут принести какую-то пользу, которые выросли и на уровне действительности; лишняя идеализация ни на волос не изменит законов природы, но принесет только неверные взгляды

7)

Teodors Zeiferts. Ausekļa dzeja. "Austrums", 1887., Nr. 9
"...Bet pagātnes sapnis ir vienreiz izsargots, un kas vēl vēlreiz redz apvilktu ar svētu spīdumu, tam lai arī tik daudz drošības atzīt, ka tas tiešām sapnis. Citādi to tagadnes īstenība modinās ar cietu roku... un viņš būs svešs nieks tanīs apstākļos, kuros viņam jādzīvo..."

...Citi laiki, citas domas, cita dzeja! Un tie jaunla dziesminieki, kas savus ražojumus pilda vai nu savas tautas vai grieķu seniem dieviem, tie to svarīgāko nava mācījuš, no vecajiem daiļniekiem, proti: dot sava laika idejām mīsu un izskatu, tās vēl vairāk un augstāk izstādījot un t savus tautiešus vilkt uz augstāku izglītības pakāpi..."

8)

"...Bet pavisam aplam dara tie, kas viens aiz otra daudz dievus pašu dievu dēļ, ... tā grēko divkārt: pret laiku, ru un pret vēsturi". Auseklis. Kritiska apcere no F. Ad. "Dievas Lapa", 1887., Nr. 219.

на жизнь и притворство в поэзию... Идеи так же, как и идеалы, не являются одинаковыми для всех времен; идеи становятся более широкими, всечеловеческими, идеалы - более полными... Поэтому идеи современной художественной литературы должны охватывать все человечество, а не права и выгоду какого-то сословия, ибо только тогда у нее (т.е. у художественной литературы - И.Б.) может быть нравственная основа..."⁹⁾

Таким образом, выдвинув требование соответствия литературных идеалов действительности, передовая латышская критика одновременно пришла к утверждению всечеловечности современных идеалов, что было в тот период, безусловно, прогрессивным явлением, несмотря на слишком широкое, неконкретизированное содержание этого понятия.

Выступая против национальной ограниченности, изолированности, прогрессивная критика обосновывала необходимость культурных интернациональных связей, в чем усматривала кратчайший путь к преодолению культурной отсталости Латвии. При этом в своей культурной ориентации передовая критика исходила из выдвинутых ее требований современного искусства.

Разгоревшаяся в латышской критике борьба мнений вокруг принципиально важного вопроса о развитии молодой национальной литературы, свидетельствовала о наличии двух исторических тенденций в национальном развитии, характерных для определенной стадии капитализма.

В работе "Критические заметки по национальному вопросу" В.И. Ленин дал глубокий анализ этих тенденций:

"Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, созда-

9)

"...tikai tādi ideāli var atnest kādu labumu, kas iz īguši īstenības druvā; lieka idealizācija ne par matu nepārgrozīs dabas likumus, bet nesīs tikai nepareizus ieskatus sadzīvē un liekulību dzejā... Idejas un tālab arī ideāli nav vienādi priekš visiem laikiem; idejas top plašākas, vispār-cilvēcīgākas, ideāli pilnīgāki... Tādēļ mūsaiķu daiļliteratūras idejas var būt tikai tādas, kas arņem visu cilvēci un nevis kādas šķiru tiesības un labumus, jo tad vien viņai (t.i. daiļliteratūrai - I.B.) var būt tikumīgs pamats..."
A. Dzeja un kritika, "Dienas Lapa", 1886., Nr. 76, 77.

ние национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм.¹⁰⁾

Ленинская концепция национального развития имеет основополагающее значение для определения характера той или другой тенденции в определенные периоды капиталистического развития.

Учитывая конкретные условия общественно-исторического развития Латвии, следует констатировать, что первая тенденция обнаружила в 80-е годы явную реакционность, несмотря на наличие некоторых положительных моментов в ней, в то время как вторая представляла собой прогрессивное явление в общественной жизни Латвии.

Яркое, своеобразное отражение эти две ведущие тенденции национального развития получили в осмыслении латышской критикой творчества А.С.Пушкина и И.С.Тургенева, наиболее популярных и переводимых в Латвии в 80-е годы XIX века.

Со статьями о творчестве русских писателей выступили, с одной стороны, газеты "Балос" ("Balva") и "Балтияс Вестнесис" ("Baltijas Vestnesis"), которые в то время являлись наиболее последовательными проводниками националистической политики латышской буржуазии.

Противоположный лагерь представляли - в начале 80-х годов (до 1885 года) "Балтияс Земкопис" ("Baltijas Zemkopis") в основном выражавшая взгляды мелкой и либеральной буржуазии, с 1886 года - "Диенас Лапа" ("Diēnas Lapa"), также мелкобуржуазный печатный орган, вокруг которого объединялась оппозиционная латышская интеллигенция. Своей деятельностью "Диенас Лапа" сыграла большую роль в подготовке прогрессивно

¹⁰⁾

В.И.Ленин. Соч., Изд.4, т.25, стр.11.

го демократического движения латышской интеллигенции 90-х годов, известного под названием "Новое течение" ("Jaunā Strāva"), II)

Одни газеты, исходя из культивирования национальной особенности, "национального духа", при определении значения творчества того или иного русского писателя чрезмерно преувеличивали национальную самобытность их произведений.

Другие в своем стремлении к "ломке национальных перегородок", к "стиранию национальных различий", значение писателей усматривали в их умении раскрыть общечеловеческие начала, подойти к решению важнейших вопросов, имеющих общечеловеческую значимость, иногда доходя при этом до апологии иностранных влияний.

Сравнивая имеющиеся критические материалы в связи с осмыслением творчества обоих писателей в Латвии 60-х годов, обращает на себя внимание одна характерная особенность, которая сыграла немаловажную роль в расстановке сил, представляющих то или иное направление в восприятии русской литературы. Ее оказалось своеобразие биографического материала обоих писателей. Если непосредственная связь Пушкина со своим народом, олицетворением которого в биографии поэта являлась его няня, пристальный интерес Пушкина к фольклору давал в изобилии необходимый материал, в основном для обоснования своих взглядов теоретикам псевдонародного романтизма, то в отношении Тургенева наблюдается противоположная тенденция. Сам факт длительного пребывания писателя за пределами России давал убедительные аргументы для той части латышской буржуазной критики, которая боролась против национальной изолированности и ограниченности как в экономической, так и в духовной сфере Латвии.

В 1883 году в Латвии развернулся полемически заостренный обмен мнениями в отношении творчества И.С.Тургенева в связи со смертью писателя.

II) Об упомянутых газетах см. подробнее: *Latviešu literatūras kritika*. R., LVI, 1956, 1. sēj. 27.-30.lpp., 79.-85.lpp. E.Кнопе. *Latviešu literatūras kritika 19.gs.otraja pusē*. R., LPSR ZA izd., 1962., 73.-81.lpp.

С позиций возвеличивания национальной самобытности было рассмотрено и оценено творчество Тургенева газетой "Балсс", редакционная статья которой обращала внимание на него, как на писателя, постигшего "русский народный дух".

"Никто другой до Тургенева не изображал так светло и прекрасно жизнь Русского народного духа и души, как он в упомянутой книге ("Записки охотника" - И.Б.)... Много потерял Русский народ со смертью Ивана Тургенева. Он потерял не только своего лучшего писателя, но и своего пламенного патриота. Он потерял своего учителя и руководителя. Никто другой так хорошо не услышал биения сердца Русского народа и ничей другой голос не нашел такого живого отклика в Русском народе..."¹²⁾

Характерно, что "понимание" Тургеневым "духа и души" своего народа, газета признает наибольшей заслугой его как писателя и патриота, тем и объясняет популярность Тургенева у себя на родине и за границей.

В этой связи примечателен факт обращения газеты к своим соотечественникам. Цитируя слова Лекнева, в которых говорится об оторванности Рудина от России, газета призывает: "...Пусть эти глубоко правдивые для каждого русского слова горящими буквами впишутся в сердце каждого латыша. Ибо редок тот народ, в сердце которого найдется так много космополитов, полатышски "пускокалецо".¹³⁾

¹²⁾ "... Gan neviens priekš Turgeņeva nebija zīmējis tik gaiš un jauki Krievu tautas gara un dvēseles dzīvi, kā viņš mī nētā dienas grāmatā... Daudz Krievu tauta zaudējusi caur Ivana Turgeņeva nāvi. Viņa zaudējusi nevien savu labāko rakstnieku, bet arī savu dedzīgo patriotu. Viņa zaudējusi savu mācītāju un vadītāju. Neviens cits nebija tik labi noklausījies Krievu tautas sirds pukstāšanu un neviena cita balss neatrada tik dzīvu atbalsi Krievu tautā...".
Ivans Turgeņevs ir miris (red.), "Balss", 1883., 35.

¹³⁾ "Lai šie priekš ikkatra krieva dziļi patiesie vārdi degošiem burtiem būtu ierakstīti katra latvieša sirdī. Jo gan būs reti tauta, kuras vidū atrastos tik daudz kosmopolītu pa latviski "puskokalēcēju". "Balss", 1883., 35.

На тех же позициях, в основном, стоял и "Балтияс Вестнесис". Однако, если для газеты "Балсо" характерна открытая апелляция к "национальному духу", "национальной душе" русского народа, которые якобы нашли отражение в творчестве И.С.Тургенева, то "Балтияс Вестнесис" несколько иначе трактует произведения писателя, особо выделяя проблематику его творчества, обусловленную, как это вытекает из контекста статьи, русской национальной психологией.

Отмечая большие заслуги Тургенева в отмене крепостного права, "Балтияс Вестнесис" не менее важное значение творческой деятельности писателя видит в направленности его произведений против других "отрицательных" общественных явлений русской действительности. По словам газеты, роман "Отцы и дети" разъяснил появление и бытие "так называемых нигилистов", ¹⁴⁾ роман "Новь" ("Плесума земе") наглядно представил "агитацию современных русских социалистов". ¹⁵⁾

Таким образом, отраженные в произведениях Тургенева некоторые существенные стороны революционно-демократического движения 60-х - начала 70-х годов, были расценены газетой как отрицательные явления русской общественной жизни и поставлены в один ряд с крепостным правом. Кроме того, в контексте статьи, как уже указывалось, проявляется стремление газеты социальные по своей природе явления представить как прояв-

¹⁴⁾ "... т.е. тех нигилистов, которые еще не занимаются политической агитацией и только в частной жизни противятся всем старым мыслям и обычаям, все равно хорошие они или плохие..."

"...t.i., to nihilistu, kas vēl nenodarbojas ar politisku agitāciju, bet tik privātdzīvē pretojas visām vecajām domām un ierāšām, vienai vai tās bij labas vai sliktas"... Ivaņa Turgeņeva pāve, red. "Baltijas Vēstnesis", 1883., 194.

¹⁵⁾ "...т.е. такую агитацию, которая еще не призывала к убийству и другим ужасным делам, но хотела через распространение идей социалистов найти в народе своих сторонников, чтобы позднее через бунт сокрушить старые порядки..."

"...t.i., to agitāciju, kas vēl nelietoja slepkavības un citus briesmu darbus, bet gribēja caur socialistu domu izplatīšanu pie tautas iegūt piekritējus, lai varētu vēlāk caur dumpi panākt vecās kārtības apgāšanu..."", "Baltijas Vēstnesis", 1883., 194.

ление своеобразия "национальной психологии". Не случайно, в начале своего выступления "Балтияс Вестнесис" характеризует Тургенева как писателя, описывающего жизнь и быт народа, одинаково хорошо знающего как низшие, так и высшие сословия, их привычки, "нравственное и безнравственное (tikums un netikums)".¹⁶⁾

С совершенно иных позиций выступила в 1883 году газета "Балтияс Земкопис". В ее выступлении прозвучало, что Тургенев более европейский, чем русский писатель. Ссылаясь на мнение его соотечественников, газета подчеркивает, что И.С.Тургенев является далеко не первым среди русских современных писателей, так как по "оригинальности" и по "народности" описания русской жизни он стоит ниже своих современников - Гончарова, Писемского и Достоевского, произведения которых менее художественны, зато более правдивы.¹⁷⁾

"...Он не является полностью русским... в его произведениях сильно чувствуется французское и немецкое развитие... в его сочинениях присутствует не только русский, но французский и немецкий дух."¹⁸⁾

По мнению газеты, только благодаря вышеуказанным качествам удалось Тургеневу вывести русскую литературу на мировую арену из национальной ограниченности.

"Тургенев проложил путь русской литературе за рубежом..., где она ... до начала шестидесятых годов этого столетия для образованной публики была малоизвестна. Знали, что и в России есть видные писатели, среди которых были даже известны имена виднейших Русских поэтов - Пушкина, Лермонтова, Гоголя,

16) См. "Baltijas Vēstnesis", 1883., 194.

17) Ivans Turgēzevs. "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1883., 35.

18) "...viņš nav tik pilnīgs krievs... viņa rakstos stipri vien nomanāma franču un vācu attīstība... viņa rakstos runā neviens krievu, bet arī franču un vācu gars". Ivans Turgēzevs. "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1883., 35.

но редко кто из владеющих русским языком был знаком с сочинениями этих знаменитостей... Но вот появился Тургенев, и ему удалось привлечь внимание иностранных читателей сначала к своим сочинениям, затем к русской литературе вообще...¹⁹⁾

Если внимание газет "Балсс" и "Балтияс Вестнесис" в первую очередь сосредоточено в основном на национальной специфике, национальной проблематике тургеневского творчества, то выступление "Балтияс Земкопис" совершенно отчетливо выделяется своей тенденцией представить писателя как тонкого знатока человеческой души вообще.

При этом газета очень далека от акцентирования того, что Тургенев прежде всего певец русской природы, русского характера в отличие, например, от "высокопатриотического" тона статьи, опубликованной в "Балсс".

"...Тургенев особенно талантлив в описании характера. Его сила не в описании пестрой жизни, в его рассказах все поступки органически вырастают только из человеческого характера; наибольшее внимание поэт уделяет чисто человеческим и душевным различиям. Самое сильное произведение в этом отношении - "Степной король Лир" - поэтическое творение, которое не только своим названием напоминает могучую трагедию Шекспира."²⁰⁾

¹⁹⁾ "...Turgeņevs tapa krievu literatūrai par ceļa laužēju ārzemēs...kur viņu...līdz šī gadu simteņa sešdesmito gadu iesākumam ārzemju attīstītā publika maz vien ievēroja. Zināja gan, ka arī Ar'evijā ir ievērojami rakstnieki, starp kuriem ievērojamāko krievu dzejnieku vārdi bija pat pazīstami, kā Puškina, Ņemcova un Gogola, bet tikai reti kādi krievu valodas prātēji iepazīnās ar šo slavēto vīru rakstiem... Te ieradās Turgeņevs un viņam arī izdevās ārzemju lasītāju vērību griezt vispirms uz paša rakstiem un tad arī uz krievu rakstniecību vispārīgi..." Ivans Turgeņevs. "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1883., 35.

²⁰⁾ "...Turgeņevs it īpaši apdāvināts rakstnieka aprakstītājs. Viņa spēks nepastāv raibas dzīves aprakstīšanā, viņa stāstos izaug visi darbi no viena vienīga cilvēka rakstura it organiski, dzejnieks liek vislielāko svaru uz tīras cilvēcīgas un dvēseles starpībām. Visvarenākais raksts ir šai ziņā "Stepju karalis Līrs", dzejas rāzējums, kas neatgādina tikai caur virsrakstu vien Šekspira vareno trāģēdiju". Ivans Turgeņevs. "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1883., 35.

Сама ссылка на данное произведение Тургенева весьма знаменательна.²¹⁾

Попытка провести параллель между двумя писателями продиктована отнюдь не желанием представить одного подражателем другого, а наоборот. Данный пример доказывал, что "...здесь один могучий дух побудил другого на великие творения".²²⁾

"Балтияс Земкопис" уделяет также внимание и национальной проблематике художественных произведений Тургенева. "...Вполне понятно, что такой образованный и одаренный человек, как Тургенев, при всем уважении в западном развитии не мог не отразить также жизни России. В своих крестьянских рассказах он осудил крепостное право, в "Рудине" и других сочинениях — так называемых "лишних" людей".²³⁾ Здесь обращает на себя внимание то, что в один ряд с борьбой Тургенева против крепостного права газета ставит осуждение писателем "лишних людей", как отрицательного явления в общественной жизни России, (сравни с "Балтияс Вестнесис"!). Более того, газета констатирует, что "...Тургенев не знает истинного корня зла; всю вину возлагает на самого человека..."²⁴⁾ К сожалению, "Балтияс

21) Ранее в Латвии оно было известно под названием "Нехорошие дети" ("Nekrietni bērni") в переводе Венску Эдварта. Кстати, автор рассматриваемой статьи оговаривает это в примечании. См. там же.

22) "...še viens liels gars otru izmudinājis uz lielām darbībām". Там же.

Такой подход к решению проблемы литературного влияния был верным и весьма своевременным. Ориентация латышской прогрессивной интеллигенции на лучшие образцы мировой культуры получала свое теоретическое обоснование.

23) "...Saprātama lieta, ka tik attīstīts un apdāvināts vīrs, kā Turgeņevs pie visas rietumu attīstības cienīšanas arī Krievijas sadzīvēs būšanas nepameta neievērotas. Savos zemnieku stāstos tas nosodīja dzimtbūšanu, "Rudinā" un citos rakstos tā saukto "nēderīgo laudis". Ivans Turgeņevs. "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1883., Nr. 35.

24) "...Turgeņevs nepazīst ļaunuma īsteno sakni; viņš dod visu vainu pašam cilvēkam..." Ivans Turgeņevs. "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1883., Nr. 35.

"Земкопис" не раскрывает до конца своей мысли. Можно только предполагать, что она пыталась подойти к объяснению проблематики творчества Тургенева с реалистических позиций, трактуя ее в социальном аспекте.

Тем не менее чрезвычайно важен вывод, к которому приходит газета, объясняя популярность тургеневского творчества.

"...Тургенев стремится к правде и красоте, и потому его произведения так много читают..."²⁵⁾

В данной статье заметно преувеличено иностранное влияние на творчество Тургенева, что можно объяснить обострившейся к середине 80-х годов борьбой двух тенденций в национальном развитии.

В связи с этим интересно для сравнения привести еще одну попытку осмысления творчества И.С.Тургенева, предпринятую той же газетой в самом начале 80-х годов.

В 1881 году "Балтийс Земкопис" публикует "Очерк жизни Тургенева" Зиедониса Бривайтиса, где Тургенев представлен латышскому читателю первым среди русских народных писателей.

В очерке использован сравнительно большой автобиографический материал "Литературных и житейских воспоминаний" И.С.Тургенева, написанных им в 1868 году. В частности, первая часть воспоминаний, озаглавленная писателем "Вместо вступления". В ней были сконцентрированы основные положения, касающиеся самого писателя и определяющие, по его словам, "исходную точку" его деятельности.²⁶⁾

В этом вступлении Тургенев, оправдывая свое "западничество", пишет о необходимости связей с Европой, подчеркивая, что "уход на Запад" не только не лишил его "всякого сочувствия к русской жизни, всякого понимания ее особенностей и нужд", а скорее наоборот.

25) "...Turģeņevs cenšas pēc patiesības un pēc daļuma un tāpēc arī viņa rakstus tik daudz lasa..." Ivans Turģeņevs. "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1883., Nr.35.

26) И.С.Тургенев. Полн. собр. соч., т.Х., II-е изд., СПб, 1884., стр.1.

Это был для него единственный путь борьбы со злейшим врагом - крепостным правом, и что он, "конечно, не написал бы "Записок охотника", если бы остался в России".²⁷⁾

Уже сам факт обращения в этом вопросе к самому писателю весьма знаменателен. Этим автор очерка не столько оправдывал западничество писателя, сколько стремился доказать, что глубоко национальным поэтом можно остаться и при условии выхода из своей национальной среды, из рамок национальной изолированности.

Опираясь на положения русской прогрессивной критики, Виедонис Бривайтис писал, что, если предшествующие Тургеневу русские писатели, как например, Гоголь, показывали в своих сочинениях только недостатки, отрицательные стороны жизни России и русского народа, то он сумел показать в "живых картинках" - "Записках охотника" угнетенных крепостных, как людей разумных, в которых живут зародыши будущего прогресса, готовые в благоприятных условиях показать свою силу во всей ее яркости".²⁸⁾

Тем самым на конкретном примере творчества русского писателя доказывалось, что преодоление национальной изолированности не только не ведет к оторванности от национальной почвы, но даже может способствовать новым художественным открытиям, без которых невозможно успешное развитие национальной литературы.

Очерк Бривайтиса, кроме того, чрезвычайно интересен своими фактическими данными, в которых содержатся некоторые сведения о восприятии творчества Тургенева, в частности тургеневского романа "Дым", как за границей - в Европе, так и в Прибалтике, главным образом немецкой прессой.

Отнесясь критически к заявлениям одной австрийской газеты

27) И.С.Тургенев. Полн. собр.соч., т.Х., II-е изд., СПб, 1884, стр.1.

28) "...ka arī viņos mājā pākamās progresijas dīgļi, kas pie labiem apstākļiem būs gatavi savu spēku parādīt visā košumā". Ziedoņu Brūvāitis. Turgeņeva dzīves apraksts. "Baltijas Zemkopja" pielikums. 1881., Nr.27.

которая в связи с опубликованием романа "Дым" заявляла, что в нем Тургенев охарактеризовал жизнь и деятельность современной России следующими словами: "Дым, только дым!...", автор очерка пишет; "Также балтийские немцы почуяли "Дым" и перевели его на немецкий язык, как это было видно из объявлений "Ригаше Цейтунг".²⁹⁾

Любопытно, что латышская общественность, по всей вероятности, в ответ на такое восприятие романа Тургенева немцами, поторопился в свою очередь воспользоваться романом, заявив о своем отрицательном отношении к прибалтийским немцам. Так, в 1883 году в газете "Балтияс Вестнесис" появляется анонимная статья "Не дым ли, носители света, так называемые культуртрегеры?". В нем, используя тургеневское изречение "дым, дым, дым", автор зло высмеивает деятельность немецких культуртрегеров в Прибалтике, сравнивая их с пчеловодом, пускающим дым, чтобы забрать мед из улья.³⁰⁾

В связи с рассмотрением определенных тенденций, характерных для восприятия творчества И.С.Тургенева латышской критикой 80-х годов, несомненный интерес представляет вопрос, какую позицию в осмыслении творчества русского писателя занимала газета "Диенас Лапа". К сожалению, каких-либо критических материалов, посвященных творчеству Тургенева, на страницах газеты обнаружить не удалось.

Мы располагаем всего лишь одним высказыванием о Тургеневе, промелькнувшем в некрологе, по случаю смерти М.Н.Каткова, опубликованном в 163 номере "Диенас Лапа" за 1887 год. В нем, касаясь некоторых сведений из биографии М.Н.Каткова, в частности, совместного обучения Каткова, Грановского и Тургенева за границей, газета коротко характеризует послед-

29) "Dūmi, tikai dūmi vien!..." Arī Baltijas vācieši bija "Dūmus" saoduši un pārcēluši vācu valodā, kā tas no "Rig. Zeit." izsludinājumiem bija redzams", "Baltijas Zemkopja" pielikums, 1881.g. Nr. 27.

30) "Baltijas Vēstnesis", 1883., Nr. 82, 83.

него: "Тургенев - друг и сторонник западных идей и учреждений..."³¹⁾ И еще: характеризуя "Русский Вестник", издаваемый Катковым, "Диенас Лапа" упоминает, что в нем Тургенев напечатал свой "Первый, самый большой и к тому же самый лучший социальный роман "Отцы и дети".³²⁾

Разумеется, столь скудные данные не дают возможности нарисовать полную картину восприятия творчества Тургенева самым прогрессивным латышским печатным органом 80-х годов.

Но, тем не менее, можно предположить, что основное направление его совпало бы с позицией "Балтияс Земкопис" по данному вопросу.

Еще более обострилась борьба в латышской критике вокруг имени А.С.Пушкина.

Уже в самом начале 80-х годов в откликах "Балтияс Вестнесис" на торжества в Москве, по случаю открытия памятника Пушкину, намечается определенная тенденция в интерпретации творчества великого русского поэта.

Исходя из того, что устное народное творчество является богатейшим источником для каждого писателя, "для обновления его ума и творчества"³³⁾ газета рассматривает заслуги Пушкина в развитии русской литературы прежде всего как результат теснейшей связи его творчества с русским фольклором.

"...Используя духовное достояние народа, Пушкин, будучи богато одаренным поэтом, смог достигнуть такого высокого положения на поприще литературы и развить русский язык и поэзию, обновив и сделав ее такой прекрасной, какой не удавалось сделать еще никому из его предшественников, и до сих

31) "...Turgenevs - rietumu ideju un iestāžu draugs un piekritējs..." "Dienas Lapā", 1887., Nr.163.

32) "...pirmo, lielāko un turklāt labāko sadzīves romānu "Tēvi un dēli". "Dienas Lapā", 1887., Nr.163.

33) "Ēis garīgās tautas mantas no ļaužu mutes jeb rakstiem smeltas, katram rakstniekam visbagātākais avots priekš viņa prāta un viņa darbības lauka atspirdzināšanas..." Bandrēvišs Ansis. "Tautas svētki Maskavā. Puškina piemiņekļa atklāšana". "Baltijas Vēstnesis", 1880., Nr.25.

пор ни одному не удастся превзойти Пушкина".³⁴⁾

В статье преувеличивается значение биографических моментов в поэтическом развитии Пушкина. Газета подчеркивает, что несмотря на дворянское происхождение "...его ум уже с малых лет тянулся к знакомству с жизнью простых людей. Ещё мальчиком он в деревне Захарово уже основательно познакомился с жизнью низших слоев, с их языком, и обычаями; Пушкин готов был целыми днями слушать песни, предания, сказки, события старых времен. Особенно большие народные богатства открыла посту его старая няня, Арина Родионовна. У этой женщины был неисчерпаемый запас сказок, песен и других народных преданий, из которых Пушкин не переставая черпал в течение всей своей жизни. Будучи уже знаменитым поэтом, он часами разговаривал со своей няней".³⁵⁾

Связь поэта с простым народом косвенным образом продолжает акцентироваться и в дальнейшем, благодаря появлению в латышской прессе хроникальных материалов об отдельных моментах жизни русского поэта.

кроме сведения о дуэли Пушкина, вызвавшей, очевидно, живой интерес у массового читателя, публикуются и такие, в ко-

34) "...Puškina ar šīm tautas garīgām mantām izrikojies un, ar dziesminieka garu bagātīgi apdāvināts, varēja tik augstu stāvokli rakstniecības laukā sasniegt un krievu valodu, poēziju tādā mērā uz priekšu pavirzīt, viņu tik jauku darīt, tā atjaunot, kā tas neviensam viņa priekštecim nebija izdevies, un arī vēl līdz šim neviens nav varējis Puškinu pārspēt." Bandrevičs. "Tautas svētki Maskavā. (Puškina pieminēja atklāšana)". "Baltijas Vēstnesis", 1880 Nr. 25.

35) "...viņa prāts nesās jau no mazām dienām uz prastu ļaužu dzīves iepazīšanos. Saharovas sādžā, zēns būdams, viņš jau krietni iepazīnās ar zemu ļaužu dzīvi, valodu, ierašām; Puškina varēja veseliem cēlieniem klausīties ļaužu dziesmas dziedāt, teikas, pasakas, vecu laiku notikumus stāstāt. Ipaši lielas tautas bagātības atklāja dziesminiekam viņa vecā aukle, Arina Rodionovna. Šai sievietei bija neizmējams pasaku, dziesmu un citu tautas mantu apcirknis, iz kura Puškina, arī nepiekusis visā savā dzīves laikā smēla. Jau slavens dziesminieks būdams, viņš vēl ar savu aukli stundām sarunājās." "Baltijas Vēstnesis", 1880., Nr. 25.

торых поэт предстает человеком, пренебрегающим светскими условностями, отличающимся простотой в одежде, охотно посещавшим народные базары и т.д.³⁶⁾

Казалось бы, подобное представление о личности Пушкина предполагает соответствующую характеристику его творчества с позиций определения глубокой, тесной связи произведений поэта с жизнью простого народа. Однако осмысление творчества Пушкина реакционной латышской буржуазной прессой идет по иному пути.

В 1887 году газета "Балтияс Вестнесис" публикует ряд материалов, в связи с 50-летием со дня смерти великого поэта. В редакционной статье, отождествляя значение Пушкина для России с той ролью, какую сыграло творчество Шекспира в Англии, газета писала:

"... Хотя Пушкин и принадлежал благодаря своим семейным связям к русской аристократии и жил в ее среде, дух его все-таки был общенародный... Поэтому в его творчестве нет никакой особенной политической или классовой окраски, она общенародная. Вот почему его одинаково ценят все слои Русского народа..."³⁷⁾

Как видно, здесь еще более отчетливо, чем при восприятии творчества Тургенева, газета проявила свое идеалистическое понимание "народности" художественных произведений.

Выделение и преувеличение национального момента в произведениях Пушкина, стремление ограничить все его творчество узкими национальными рамками не только существенно суживало значение творчества поэта, но и неизбежно приводило к абсолютизации "национального духа".

³⁶⁾ "Baltijas Vēstnesis", pielikums, 1887., 31., 1888., Nr. 1.

³⁷⁾ "...Kaut gan Puškins caur savām ģimenes saitēm piederēja pie krievu aristokrātijas un dzīvoja pēdējās vidū, viņa gars tomēr bija vispārīgi tautisks... Tā tad arī viņa gara ražojumiem nav ne kāda sevišķa politiska vai šķiras krāsa, bet tā ir vispārīgi tautiska. Tādēļ viņam arī viss Krievu tautas šķirās ir vienāda cienīšana..." "Puškina (50 g. nāves dienas) piemiņas svētki." "Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 26.

В полной мере это проявилось в речи Э.Скуйниекса, произнесенной на собрании в Рижском обществе латышей по случаю 50-летия со дня смерти великого русского поэта.³⁸⁾

Прежде всего обращает на себя внимание стремление докладчика раскрыть значение творчества великого поэта не только для русской, но и для всеобщей литературы (*vispārīgā*). При этом весьма характерно, что основной задачей докладчика было выявление той роли, какую сыграл фольклор в творческих исканиях поэта, каким образом он содействовал росту "национального духа" самого Пушкина.

Так, обращение к фольклору, по мнению докладчика, помогло Пушкину создать новую, доступную широким массам поэзию, которая пришла на смену классицизму, с его отжившими формами.³⁹⁾

Знакомство с поэтическим миром народного творчества, которое поэт осуществил благодаря своей няне Арине Родионовне, в значительной мере способствовало его пониманию "духа Русского языка, диалектов и особенностей Русского языка", что в свою очередь сыграло решающую роль в преодолении поэтом чужих влияний.

"Так, развиваясь, Пушкин освободился от всех чужих влияний, освободился от авторитета Байрона..."⁴⁰⁾

При этом знаменательно, что байронизм как и французская революция, породившая его, рассматривается Э.Скуйниексом как космополитическое, антинародное явление.

"...Равенство, братство, свобода" было ядром этого учения, народности (*tautība*) в нём не было места, потому что народность по этому учению задерживала объединение всего челове-

38) "Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 46.-48.

39) "Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 46.-48.

40) "...Tā pats sevi attīstīdams Puškins atsvabinājās no visiem svešiem iespaidiem, atsvabinājās no Beirena (Байрон - И.Б.) autoritātes..." "Baltijas Vēstnesis", 1887., 47.

чества в одну семью, в одну братскую общность. Байронизм также был безнародным, космополитическим...⁴¹⁾

Заслуга Пушкина, по мнению докладчика, прежде всего в том и состоит, что он не только "эту слабость байронизма понял и исправил", но и указал, по какому пути можно было выйти из "болота", куда завела человечество французская революция. "...Путь этот был - народность, уважение и почтение к народному духу..."⁴²⁾

Чтобы было более понятно, что же подразумевается докладчиком под понятием "народность" (tautība), "народный дух", следует обратиться к его дальнейшим рассуждениям.

В конце доклада Э.Скуйниек, кратко характеризуя настроения современной молодежи в России, с сожалением констатировал, что современная молодежь считает поэзию Некрасова выше Пушкинской.

"... Это печальная черта времени, это свидетельство того, что настоящая народная любовь начинает пропадать и на ее месте появляется такая любовь, которая не знает народности, видит только внешние стороны".⁴³⁾

И еще:

"...Любить народ из-за его тяжелых обстоятельств, его тер-

41) "...Vienlīdzība, brālība, brīvība" bija šo mācību kodols, tautībai viņās nebija vietas, tādēļ ka tautība pēc šīm mācībām kavēja visas cilvēces savienošanas vienā ģimenē, vienā brālīgā kopībā. Arī beirenisms bija beztautisks, kosmopolitisks..." Skujenieks. Ed. A. S. Puškina. "Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 48.

42) "...Šis ceļš bija tautība, cienīšana un bijāšana pret tautas garu..." Skujenieks. Ed. A. S. Puškina. "Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 48.

43) "...Tā ir bēdīga laika zīme, tā ir liecība, ka istā tautas mīlestība sāk panīkt un viņas vietā stājas tā mīlestība, kas nepazīst tautību, redz tikai ārīgas būšanas." Skujenieks Ed. A. S. Puškina. "Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 48.

пения и бедности может всякий, но любить народ ради него самого, это может только редкий..."⁴⁴⁾

Это все весьма убедительно доказывает, что перед нами ярчайший образец апологии национального. "Народный дух", "народность" - это прежде всего тот "национальный дух", некое иррациональное начало, к которому апеллировали со своих идеалистических позиций как латышские "народные" романтики, так и националистически настроенная буржуазия во имя "спасения" нации от приближавшихся классовых боев.

Продолжая разговор о байронизме, докладчик делает намек на те обстоятельства, которые содействовали распространению последнего в России, т.е. на восстание декабристов.

"...В то время... В России было много новых нереализованных идей, было очень много разбитых надежд и несбывшихся желаний... Однако Пушкин не поддался неплодотворным мечтаниям, не поддался туманным идеалам, обитавшим только в разгоряченной фантазии, а не в жизни..."⁴⁵⁾

И лишь благодаря тому, делает вывод Скуйниек, что в Пушкине жил и развивался "практичный и деловой дух", он не сошел с настоящего народного пути, не отошел от народной жизни.

Мысль, что революция - явление не только не национальное, но и противоположное ему, упорно подчеркивается докладчиком. По его мнению, "национальный дух" - единственное, что способно противостоять революции.

Неоднократно отмечая, что из всех современников только Пушкину удалось понять "дух своего народа и своего языка", благодаря непосредственному общению поэта с народом и его

44) "...Tautu mīlēt, viņas grūto apstākļu, viņas ciešanas un nabadzības dēļ var katrs, bet tautu mīlēt viņas pašas dēļ, to tik var retais..." Skujenieks Ed. A. S. Puškina. 1887., Nr. 48.

45) "...toreiz...Krievijā bija daudz jaunu nerealizētu ideju, bija daudz, daudz sadragātu cerību un nepiepildītu vēlējumu...Puškina tomēr nepadevās neauglīgai sapņošanai, nepadevās tādiem miglainiem ideāliem, kuru dzīvē neatrodam, kuri piemājo tik sakarsušā fantāzijā..." Skujenieks Ed. A. S. Puškina. "Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 47.-48.

поэтическим творчеством, докладчик, в сущности, отрицает существование русской национальной культуры до Пушкина.

"...Пушкин возродил Русскую народность, он показал своим перешедшим в чужую культуру современникам, какими путями следует идти, если народ не хочет потерять тех особенностей, которые отличают его от других народов. И по пути, указанному Пушкиным для своего народа..., надо следовать также Латвям, которые слишком отделились от того, что является специфически народным, латышским; нам также следует больше черпать из наших богатых источников народных песен и сказок, если мы не хотим дать засохнуть нашей народности в чужой пустыне..."⁴⁶⁾

Являясь свидетельством националистических настроений, господствовавших в Латвии в 80-е годы, речь Скуйниекса обнаружила существенные противоречия реакционной буржуазии. Рассматривая национальные традиции как силу, способную оградить от чужеродных влияний (об этом свидетельствует пример с байронизмом), докладчик в то же время как положительное явление отмечает определенное влияние на поэзию Пушкина немецких романтиков Тика, Шлегеля, Виланда, которое он усматривает прежде всего в поэме Пушкина "Руслан и Людмила".⁴⁷⁾

Таким образом, ярко продемонстрировав свою непоследовательность по отношению к вопросу национального развития, националистическая буржуазия обнаружила классовый характер своих взглядов.

⁴⁶⁾ "...Puškina atjaunoja Krievu tautību, viņš rādīja saviem svešā kultūrā pargājušiem laika biedriem, kādi ceļi jāstaigā, ja tauta negrib zaudēt tās savādības, kas viņu atšķir no citām tautām. Un tas ceļš, kuru Puškina rādīja savai tautai, tas ceļš... jāievēro arī Latviešiem, kuri arī padaudz atsvešinājušies no tā, kas ir specifiski latviski tautiski; arī mums vajag sākt vairāk smelt noūsu bagātājiem tautas dziesmu un tautas pasaku avotiem, ja negribam izslāpt ļaut mūsu tautībai svešā tukšnesī..."
"Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 48.

⁴⁷⁾ "...Caur Žukovsku Puškina iepazīnās ar tā laika vācu dzejniekiem, sevišķi ar abiem Šlegeliem, Tieku, Hardenbergu, Vielandu... ar tā sauktiem "romantiķiem", kuru iespaidu mēs pilnā mērā varam ievērot iekš "Ruslāns un Ludmila".
"Baltijas Vēstnesis", 1887., Nr. 48.

Иного мнения придерживалась в определении значения А.С.Пушкина газета "Диенас Лапа".

Несмотря на небольшой объем материала: всего лишь две статьи, - он тем не менее представляется очень интересным, так как ярко свидетельствует о другой тенденции в национальном развитии, весьма существенной для Латвии 80-х годов прошлого века.

Уже в первой краткой заметке "Из Москвы" (J. Puškina. 50 gadu pāves piemiņa)⁴⁸⁾ автор, скрывающийся под-Р-, не отрицая заслуг Пушкина в развитии русского национального языка, подчеркивает, однако, в противоположность тенденции возвеличивания "национального духа", что великий поэт не только сумел "возвысить и развить" народный язык, при помощи которого его кокле⁴⁹⁾ издала новые звуки, но и благодаря этому привил теплую и глубокую любовь к народному языку, к своему народу.⁵⁰⁾

Здесь характерно явное смещение акцентов - с объекта на субъект. Не "национальный дух" руководит Пушкиным, как некая иррациональная сила, а Пушкин, как творческая личность, указывает на огромные поэтические возможности родного русского языка.

В своей редакционной статье⁵¹⁾ газета указывает, что не собирается оспаривать народности творчества Пушкина и считает этот вопрос решенным и не подлежащим обсуждению. Ссылаясь на высказывание Достоевского о Пушкине, "Диенас Лапа" писала:

..Появление Пушкина для нас русских - это появление про-
48) "Diēnas Lapa", 1887., Nr. 19.

49) Кокле - латышский народный инструмент, наподобие русских гуслей.

50) "Diēnas Lapa", 1887., Nr. 19. В высшей степени любопытна попытка автора заметки установить родственную связь предков великого поэта со своими соотечественниками - латышами. Несмотря на свою наивность, - эта попытка является свидетельством искренней любви и признательности великому русскому поэту в Латвии.

51) "Diēnas Lapa", 1887., Nr. 25.

рока. Не было другого, который смог бы вобрать в себя все беды и радости мира в такой большой мере, не было такого, который смог бы так глубоко усвоить дух других народов; именно в этом обстоятельстве особенно проявилась его народная русская сила, способность его народной поэзии развиваться все дальше и дальше к всемирности и всечеловечности." 52)

Как видно, в понятие народности, газета вложила совершенно иной смысл. На примере творчества Пушкина, сумевшего, по мнению "Диенас Лапа", приобщиться к духовным ценностям других народов, развивая свою поэзию дальше к "всемирности и всечеловечности", газета пыталась дать свое определение народности художественного творчества, противоположное концепции реакционной буржуазной критики, ограничивающей народность узкими национальными рамками.

Близко к позиции "Диенас Лапа" в осмыслении творчества Пушкина стоит видный латышский критик Теодор Зейферт. Poleмика 80-х годов доказала, что взгляды критика на литературу, высказанные им в ряде статей, в основном совпадали с позицией "Диенас Лапа". 53)

К сожалению, критических материалов, специально посвященных осмыслению творчества Пушкина, у Теодора Зейферта в 80-е годы нет.

Однако известный интерес в выяснении отношения критика к великому русскому поэту вызывает ссылка Зейферта на Пушкина в его знаменитой статье "Поэт и его время". 54)

52) "...Puškina parādīšanās ir priekš mums, krieviem, kā pravieša parādīšanās. Nebija otra, kas būtu pratis uzņemēt sevi visas pasaules bēdas un priekus tik plašā mērā, nebija tāda, kas būtu tik dziļi spējis piesavināties citu tautu garu, un sevišķi šini apstākļi parādījās viņa tautiskais krievu spēks, viņa tautiskās dzejas spēja tālāk un tālāk attīstīties līdz vispasaulībai un viscilvēcībai". Krievijas dzejnieka (A. S. Puškina) piemīņai. "Dienas Lapa" red., 1887., Nr. 25.

53) СМ. Е. Knope. Latviešu literatūras kritika 19. gs. otrajā pusē. R., LPSR ZA izd., 1962.

54) "Austrums", 1888., Nr. 11.

Указывая, что писатель (поэт) должен прежде всего отражать в своем творчестве идеи и дух своего времени, Зейферт рассматривает обращение Пушкина к "Сказкам" как своего рода отдых, забаву от более "серьезных" занятий, каковыми являются "идеи своего времени".⁵⁵⁾

При всей наивности подобного объяснения, это высказывание критика весьма знаменательно. То, что теоретиками "псевдонародного" романтизма рассматривалось как "приобщение" к "народному духу", как "постижение" его, Зейферт квалифицирует в творчестве Пушкина всего лишь как забаву гениальной личности, основной задачей которой является постижение "духа", идей, смысла своего времени.

Развернувшаяся в латышской периодической печати борьба мнений вокруг определения значения творчества русских писателей свидетельствовала, в сущности, о борьбе двух концепций народности в латышской литературе.

Господствующей в данный период, но уже не удовлетворяющей запросам времени, романтической - противостояли развивающиеся тенденции реалистической концепции, еще не оформившиеся в тот период в четкую эстетико-нормативную формулу.

Как совершенно справедливо отмечает Э.Кнопе в своем исследовании "Латышская литературная критика II-ой пол. XIX века, "самым важным теоретическим вопросом латышской прогрессивной критики 80-х годов является вопрос о реализме".⁵⁶⁾

Характерно, что разработка его была теснейшим образом связана с восприятием русской реалистической литературы и велась не без влияния русской прогрессивной критики.⁵⁷⁾

Однако усвоение латышской критикой русской литературы, как литературы реалистической в целом, произошло не сразу.

⁵⁵⁾ "Austrums", 1888., Nr. 11.

⁵⁶⁾ Е.Кнопе. Latviesu literatūras kritika 19. gs. otrajā pusē. R., LPSR ZA izd., 1962., 106. lpp.

⁵⁷⁾ Е.Кнопе. Latviesu literatūras kritika 19. gs. otrajā pusē. R., LPSR ZA izd., 1962., 106. lpp.

В 80-е годы оно связано с определенным кругом русских писателей, главным образом, современных. Прежде всего это относится к И.С.Тургеневу. Хотя с осмыслением его творчества связано решение других проблем, имеющих большое значение для формирующейся латышской литературы, уже в тех материалах намечаются определенные тенденции восприятия его как писателя-реалиста.

В вышеупомянутой статье "Иван Тургенев", опубликованной на страницах литературного приложения газеты "Балтияс Земкопис" в 1883 году, констатируется, что Тургенева много читает именно потому, что он в своем творчестве "стремится к правде и красоте".

В этой связи автор статьи выдвигает требование:

"...Первейшей обязанностью поэта всегда должна быть правда, чистейшая правда".⁵⁶⁾

Однако, эта тенденция не получила должного развития в тот период при восприятии тургеневского творчества в целом.

Впервые с попыткой осмысления в Латвии русской реалистической литературы на примере конкретного произведения мы встречаемся в 1884 году. На страницах журнала "Рота" №12 появился перевод рассказа Алексея Потехина "Хай девка" ("Eku meita cielaviņa"). Перевод сопровождался послесловием. В нем редакция журнала мотивирует проявленный интерес к писателю следующим: "...Прочитав этот поэтический цветок Русской новейшей литературы, мы вместе с тем познакомились с писателем-реалистом, с реализмом... Все там (в произведении И.Б.) происходит просто и естественно. И люди показаны не слишком хорошие... не слишком плохие...но как настоящие деревенские люди со своими достоинствами и недостатками. Читая это произведение, перед нами встает жизнь Русской деревни, какой она является на самом деле, и мы знакомимся с картино

58) "...Dzejnieka pirmajam pienākumam vajag arvien būt patiešībai, visskaidrākai patiešībai." Ivans Turgeņevs. "Bal-tijas Zemkopja" pielikums, 1883., Nr.35.

народной жизни уголка России".⁵⁹⁾

Это послесловие интересно прежде всего тем, что здесь впервые в латышской критике производится попытка определения реализма.

Обосновывая свое понимание реалистического произведения, авторы, послесловия исходят из выяснения конкретносмыслового значения понятия "реализм" - "вещественность", "материальность", ("realība").

"...Поэт, художник в своих произведениях показывает реализм, если они придерживаются действительных, а не выдуманных вещей и явлений..."⁶⁰⁾

Главный акцент делается при этом на правдоподобие в изображении действительности как на основной показатель реализма, что значительно редуцирует его.

При этом подчеркивается, что сочинение, написанное в реалистическом духе, даже если оно недостаточно художественно, полезнее для читателя, ибо знакомит его с людьми и происходящими событиями, сближает его с правдой и действительностью.⁶¹⁾

Проявившаяся здесь упрощенная трактовка реализма, на наш взгляд, отнюдь не означает, что она была адекватной толкованием реализма псевдонародными романтиками.⁶²⁾

59) "...Šo Krievu jaunākās literatūras dzejas ziedu izlasījuši esam arī tamlīdz iepazīnušies ar realīstu-sacerētāju, ar realīsmu... Viss tur notiekās vienkārši un dabīgi, un cilvēki parādas nedz pārlietu labi... nedz pārlietu ļauni... bet kā īsti sādžas cilvēki ar saviem tikumiem un nētikiem. Šādu stāstu lasot, mums priekšā stājas Krievu sādžas dzīve, kāda tā atradās patiesībā, un izlasījuši, esam iepazīnušies ar gabalu no tautas dzīves kādā Krievu viduci". "Rota", 1884., Nr. 12, 136. lpp.

60) "...realīsmu savos sacerējumos parāda dzejnieks, daiļnieks, mākslinieks, ja tie turas pie esošiem, bet ne iedomātiem lietām un būtnēm..." "Rota", 1884., Nr. 12, 136. lpp.

61) "Rota", 1884., Nr. 12, 136. lpp.

62) См. В. Кнопе. Латвиеšu literatūras kritika 19. gs. otrajā pusē, стр. 112.

Напротив, сам факт попытки конкретного анализа реалистического произведения, осуществляемый с позиций реалистической критики, был весьма существенным для развития латышской литературы первой половины 80-х годов, и это "упрощение" вполне соответствовало теоретическому уровню литературной критики Латвии тех лет.

Латышская прогрессивная критика в тот период еще только пыталась осмыслить усиливающиеся на рубеже 70-80-х годов реалистические тенденции в латышской литературе.

Характерно, что в самом начале полемики с псевдонародными романтиками она выступила прежде всего с позиций отрицания их искусства, не сумев еще противопоставить своей положительной программы. Лишь к концу 80-х началу 90-х годов, в результате постепенного осмысления практики реалистического творчества, складывается стройная система теоретических взглядов латышской реалистической критики.

В период же до 1884 года латышская прогрессивная критика выдвигала только отдельные требования правдивого изображения действительности в литературе, промелькнувшие, например, в критических материалах о Тургеневе.

Об этом свидетельствует и "Открытое письмо..." петербургского студента Я.Звигулиса, опубликованное в 1882 году, в котором впервые в Латвии прозвучавшее требование реализма излагалось автором в весьма общей форме призыва ориентироваться на русскую реалистическую литературу. Мысль была высказана в связи с резкой критикой сентиментальной литературы, позаимствованной, по мнению Звигулиса, у немцев и совершенно не соответствовавшей латышскому характеру. Упомянутое выше письмо Акота, в котором впервые в Латвии излагалось теоретическое обоснование принципов реализма, появилось лишь в 1885 году.

Таким образом, есть все основания считать эту попытку первого литературно-критического анализа конкретного реалистического произведения, предпринятого журналом "Рота", весьма значительной. Тем более, что в ней впервые был охарактери-

зован как реалистическое произведение роман братьев М. и Р. Каудайте "Времена землемеров".

Кроме того, имея в виду теоретическую неподготовленность латышской критики по вопросу о реализме, становится вполне объяснимым, странное на первый взгляд обращение редакции к творчеству такого второстепенного русского писателя, каким являлся А.А.Потехин. Тем более, что это единственный перевод его в Латвии. Очевидно, здесь дело не в А.А.Потехине. Вместо его рассказа могло привлечь к себе внимание произведение другого русского беллетриста, написанное на том же художественном уровне.

Наряду с декларированием националистических взглядов представителей псевдонародного романтизма журнал "Рота" одновременно является весьма последовательным проводником реалистической литературы, сопровождая в ряде случаев публикацию отдельных произведений редакционными примечаниями.⁶³⁾

Характерно так же, что на его страницах неоднократно появляется попытка противопоставить различные принципы изображения действительности в художественной литературе, свойственные разным литературным направлениям. Например, в статье "О литературе" ("Par literatūru"), опубликованной в 1885 году, анонимный автор резко высмеивает современные "жестокые" романы и рассказы с их традиционными героями: ворами и убийцами, разбойниками и индейцами, в которых не уделяется внимания обыкновенным человеческим слабостям, называемых автором статьи словом "грешность" ("pešķistība"). Иронизируя по этому поводу, автор констатирует, что "... чем меньше те (т.е. художественные произведения - И.Б.) совпадают с нашей жизнью, тем они лучше..."⁶⁴⁾

63) На наш взгляд, прав Я.Ниедре, который квалифицируя значение журнала "Рота" в общественной жизни Латвии 80-х гг., считает, что несмотря на свой эклектический характер, известный аполитизм, "Рота" удалось сыграть свою положительную роль в распространении демократической литературы, реализма. Особенно это относится к первым годам выхода в свет. Затем эту роль взял на себя более демократически настроенный журнал "Ауструмс". См. J. Niede. *Latviešu literatūra*, II.R., 1953.

64) "...jo mazāk tie sakrīt kopā ar mūsu dzīvi, jo labāk tie ir". *Par literatūru*. "Rota", 1885., Nr. 24.

То же противопоставление, с явной симпатией к реалистическому изображению действительности в художественной литературе, содержится в примечаниях редакции журнала к историческому роману польского писателя Крашевского "Молодой герой" который появился в следующем номере "Роты".

Исходя, в основном, из распространенного в тот период взгляд на литературу как на "развлечение" - ("laika kavēklis") в примечании тем не менее высказана мысль о необходимости использования художественной литературы для образования и просвещения массового читателя. В этой связи редакция журнала подчеркивает, что только литература, правдиво изображающая жизнь, а "не одурманивающая ум ангелами, чертями и прочими чудовищами...", может побудить читателя к размышлениям над жизнью.⁶⁵⁾ При этом характерна ссылка на повесть Помяловского "Молотов".

В том же 1885 году "Рота" публикует рассказ Гл. Успенского "Счастливые люди". Сопровождая публикацию рассказа редакционными примечаниями, журнал представляет Глеба Успенского латышскому читателю как одного из современных русских писателей - реалистов.

"...По природе своих произведений он принадлежит к реалистам..."⁶⁶⁾ Одновременно в примечаниях подчеркивается, что никто из русских писателей, кроме Успенского, не смог лучше приблизиться к действительности в описании жизни русского крестьянства и природы. Именно в этом журнал усматривает быстрый рост его популярности среди русской образованной публики.

Весьма примечательна трактовка публикуемого рассказа Успенского, в основных чертах почти полностью совпадающая с предыдущим анализом произведений А.А. Потехина.

⁶⁵⁾ См. Vēsturīgs romāns. (Kā piezīmējumi pie (Kraševska) "Jauna varoņa"). "Rota", 1885., Nr. 25.

⁶⁶⁾ "...pēc savu rakstu dabas pieskaitāms realistiem..." Glebs Ivanovičs Uspenskis. "Rota", 1885., Nr. 33.

"...Только поверхностно читая его ("О счастливых людях"), сейчас же убеждаешься, что три путешественника (отслушивший солдат, комедиант и изгнанный слуга, упомянутые в этом рассказе), не выдуманные, а взятые из жизни люди, каких можно встретить в действительности..."⁶⁷⁾

Таким образом, и здесь то же соотношение литературного произведения с окружающей жизнью, исходя из которого подчеркивается прежде всего элемент правдоподобия, как основной и наиболее характерный признак реалистического произведения.

Статья эта знаменательна и тем, что в ней впервые в латышской критике предпринимается попытка представить русскую литературу в ходе ее развития, опять-таки противопоставляя романтическое направление реалистическому.

"...Так же, как некоторые литературы, в том числе и наша литература, представляющая в большинстве своем переводы с немецкого языка, русская литература также пережила времена, когда писатели в своих поэтических произведениях не осмеливались природу описывать такой, какова она в действительности, но людей и события одевали в такие одеяния, которые встречаются в мире грез и мечтаний, а не в жизни".⁶⁸⁾

По мнению журнала, первым из русских писателей, кто стал "больше приближаться к натуре (dabai)" был Пушкин. Затем - Гоголь и Тургенев. Еще выше их в изображении русских крестьян в художественной литературе поднялся граф Л.Толстой. В его

67) "...Tikai pavieršus to ("Par laimīgiem ļaudīm") lasot, tūliņ jāpārliedzinās, ka trīs ceļinieki (izdienējušais zaldāts, komijs un padzītais kalps, kas šinī stāstījumā minēti) nav izdomāti, bet iz dzīves ņemti cilvēki, kādi atrodās īstenībā..." Gļebs Ivanovišs Uspenskis. "Rota", 1885., Nr. 33.

68) "...Tāpat kā dažai literatūrai un mūsu rakstniecībai, kas pa lielāku daļu tulkota iz vācu valodas, tā arī krievu literatūrai, bija savi laiki kur rakstnieki savos apcerējumos neuzdrīkstējās dabu aprakstīt īstenībā, bet notikumus un cilvēkus ietēra tādās uzvalkos, kas domā un sapņu valstībā, bet ne sadzīvē atrodami". Gļebs Ivanovišs Uspenskis. "Rota", 1885., Nr. 33.

произведениях крестьяне "появились в своей простоте и естественной правде".⁶⁹⁾ Однако всех русских писателей в том числе и Л.Толстого превосходит Гл.Успенский, "которому при-суде удивительное свойство рассматривать жизнь Русских крестьян и природу со всеми ее особенностями; и то, что он так тонко заметил, сумел также правдиво описать. Если он в своих сочинениях говорит о какой-нибудь деревне или крестьянине, то можно смело сказать, что такая деревня или крестьянин были или есть."⁷⁰⁾

Дурнал особо выделяет, что Успенский "не блуждает в мире грез" в поисках событий и героев для своих произведений, а черпает их из самой жизни.

Разумеется, латышская прогрессивная критическая мысль, разрабатывая теоретические принципы реалистической литературы, не ограничивалась одним лишь требованием правдивости в изображении жизни. Заостряя внимание на том, что "правда жизни - это первое, что критика требует от каждого нашего современного писателя"⁷¹⁾, в ряде статей, в особенности в выступлениях "Дienas Lapa", поднимаются вопросы типизации и другие проблемы, связанные с более глубоким раскрытием сущности реальной действительности в художественном произведении.

Характерно, что разработка их идет под влиянием идей русской революционно-демократической критики, что уже неоднократно отмечалось в латышском советском литературоведении.

69) См. Там же.

70) "...kam apbrīnojamā ipašība, aplūkot un ievērot Krievu zemnieku dzīvi un dabu ar visām savādībām, un ko viņš tik smalki aplūkojis un ievērojis, to viņš zin tikpat patiesi atstāstīt un aprakstīt. Ja viņš savos rakstos runā no kādas sādžas vai kāda zemnieka, tad droši varam palaisties, ka tāda sādža vai tāds zemnieks tiešām bijis vai ir." Ģlebs Ivanovišs Uspenskis. "Rota", 1885., 33.

71) "Dienas Lapa", 1886., Nr.76.

О г л а в л е н и е

Предисловие	3
С.Е. Иванова. Некоторые вопросы взаимосвязей национальных литератур и проблемы изучения восприятия творчества М.А.Шолохова . .	5
С.Е. Иванова. М.А.Шолохов в восприятии критики и литературоведения Советской Латвии	26
И.Я. Бергман. Из истории восприятия русской литературы латышской критикой 80-х годов . .	78

Коллектив авторов
ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

II

Ученые записки, том I43

Редактор М. Николаев
Корректор В. Лапина

Подписано к печати 23/II 1971 г. 12111. Загл. Б 372.
Ф/В. 60x84/16. Писчая № 1. Физ. л. л. 7, 3. Уч.-изд. 5, 4.
Тираж 400 экз. Цена 34 коп.

Отпечатано на роталитрахе, Рыга-50, бульвар Райня, 19,
Латвийский государственный университет им. П. Стучки

LU bibliotēka

200023148

PT-75

143

ЦЕНА 34 коп.